ПМ
Т13 Финл.

Т13

К. С. Таганцевъ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ

1/13 декабря 1890 г.

и

ФИНЛЯНДСКОЕ

УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНІЕ.

Статья напечатанная въ журналѣ «Юридическая Лѣтописъ»
за 1891 годъ, томъ I, стр. 97—146.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Государственная Типографія.
1910.

ПМ фнпл.
Т 13

К. С. Таганцевъ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ

1/13 декабря 1890 г.

и

ФИНЛЯНДСКОЕ

УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНІЕ.

Статья, напечатанная въ журналѣ «Юридическая Лѣтопись»
за 1891 годъ, томъ I, стр. 97—146.

3849/I
БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТА
КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв. № 139899

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Государственная Типографія.
1910.

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТЪ

18 декабря 1890 г.

и

ФИНЛЯНДСКОЕ

УЛОЖЕНІЕ.

Статья напечатанная въ журналѣ «Юридическая Газета»
за 1891 годъ, томъ I, стр. 97—140

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Государственная Типографія.
1910.

Высочайшій Манифестъ $^{1}/_{13}$ декабря 1890 г.

и

ФИНЛЯНДСКОЕ УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНІЕ.

Н. С. Таганцева.

I.

Высочайшій манифестъ, вызванный предстоявшимъ 20 декабря 1890 г. (1 янв. 1891 нов. ст.) введеніемъ въ дѣйствіе новаго финляндскаго уголовнаго уложенія, представляется событіемъ первостепенной важности, котораго общегосударственное значеніе будетъ, нужно надѣяться, правильно оцѣнено и обывателями края, какъ скоро разсѣется туманъ, вызванный жаромъ газетной полемики, и наступитъ спокойная оцѣнка причинъ и условій, сдѣлавшихъ необходимымъ принятіе особыхъ чрезвычайныхъ мѣръ.

Какъ указано въ манифестѣ, въ видахъ устраненія неудобствъ и затрудненій, вызываемыхъ предстоящимъ введеніемъ въ дѣйствіе финляндскаго уложенія, Государю Императору угодно было образовать Особое Совѣщаніе о мѣрахъ, которыя надлежало бы принять для достиженія этой цѣли, а засимъ, по одобреніи заключеній этого Совѣщанія, Его Императорскимъ Величествомъ повелѣно:

1) Объ измѣненіи вновь изданныхъ для Финляндіи уголовныхъ узаконеній, въ чемъ сіе вызывается необходимостью, предложить земскимъ чинамъ созваннаго къ $^{8}/_{20}$ января 1891 года сейма.

2) Приведеніе въ дѣйствіе сихъ узаконеній пріостановить, впредь до утвержденія Его Величествомъ представленія земскихъ чиновъ по указанному въ предшедшемъ пунктѣ предложенію.

*

Постановленія дѣйствующихъ законоположеній, касающіяся производства дѣлъ по преступленіямъ и проступкамъ, совершаемымъ въ Имперіи жителями Великаго Княжества и въ семъ краѣ жителями Имперіи, сохранить въ силѣ и по введеніи въ ономъ новаго уголовнаго уложенія, съ тѣмъ, чтобы присутственныя мѣста и должностныя лица Финляндіи при постановленіи и исполненіи приговоровъ о жителяхъ Имперіи принимали въ соображеніе права и преимущества, коими обвиняемые пользуются по законамъ Имперіи.

Таково содержаніе манифеста; посмотримъ же, какъ возникли эти затрудненія, въ чемъ они заключаются и какія мѣры предлагаются нынѣ для ихъ устраненія, и этимъ путемъ постараемся раскрыть государственную важность этого знаменательнаго акта.

II.

До настоящаго времени въ Финляндіи дѣйствовало шведское уголовное уложеніе 1734 г. съ разнообразными къ нему дополненіями. Въ 1863 г. Императоръ Александръ II-й собравшемуся въ первый разъ послѣ 1809 г. финляндскому сейму поручилъ выработать основныя начала уголовнаго уложенія, что и было исполнено въ 1864 г., и въ томъ же году была образована особая коммиссія для изготовленія проекта уложенія (профессоръ Эрштрёмъ, Даль и Грётенфельдъ), которая окончила, впрочемъ, свою работу лишь въ 1875 году. Изготовленный ею проектъ былъ публикованъ и подвергся разсмотрѣнію, между прочимъ, шведскаго профессора Гагштрёмера, профессоровъ Гельсингфоргскаго университета и др. и былъ затѣмъ переработанъ въ новой коммиссіи (подъ руководствомъ сенатора Пальмена и при участіи, между прочимъ, профессора Форсмана). Въ 1885 г. этотъ измѣненный проектъ былъ предложенъ правительствомъ сейму, но сеймъ не успѣлъ его разсмотрѣть. Въ 1888 г. съ измѣненіями, сдѣланными въ проектѣ коммиссіею сейма въ 1885 г. и статсъ-секретаріатомъ по дѣламъ В. К. Финляндскаго, проектъ снова былъ предложенъ сейму, имъ принятъ, а 19 ноября 1889 г., по докладу министра статсъ-секретаря Финляндіи Ген.-Лейт. Эрнрота, принятый сеймомъ, проектъ былъ утвержденъ Государемъ Императоромъ; затѣмъ, немедленно, по распоряженію финляндскаго сената, былъ опубликованъ

въ церквахъ, а введеніе его назначено на 20 декабря 1890 г. (1 янв. 1891 г.).

Такова немногосложная исторія этого кодекса; но, въ виду того участія, которое принимали въ составленіи этого кодекса съ одной стороны профессора гельсингфорскаго университета, а съ другой— статсъ-секретаріатъ, я позволю указать еще на два обстоятельства, которыя, думается мнѣ, могутъ служить для безпристрастной исторической оцѣнки того недоразумѣнія, которое окончилось пріостановленіемъ введенія въ дѣйствіе уложенія и предложеніемъ сейму новаго пересмотра законопроекта.

Въ ноябрѣ 1882 г. коммиссія по составленію новаго уложенія для Россійской Имперіи разослала составленный ею проектъ общей части нашимъ практикамъ и теоретикамъ, а въ томъ числѣ и Гельсингфорскому университету. Въ концѣ 1883 г. университетъ прислалъ свой отзывъ, за подписью декана пр. Форсмана (участника комитета по пересмотру финляндскаго проекта) и въ этомъ отзывѣ были сдѣланы подробныя возраженія противъ постановленій нашего проекта, имѣвшихъ отношеніе къ Великому Княжеству и равсматривавшихъ Финляндію, какъ часть Россіи, имѣющую самостоятельное законодательство, но вмѣстѣ съ тѣмъ органически сочлененную съ объемлющимъ ее государствомъ Россійскимъ.

Позднѣе, лѣтомъ 1886 г., мнѣ лично, совершенно частнымъ образомъ и на весьма короткій срокъ, былъ сообщенъ русскій текстъ проекта финляндскаго уложенія, и я немедленно сдѣлалъ о немъ свои, правда, бѣглыя замѣтки. Въ этихъ замѣткахъ я подробно остановился именно на 1-ой главѣ проекта, указывая, что она затрогиваетъ вопросъ первостепенной государственной важности... особенно въ виду того, что проектъ предлагается земскимъ чинамъ отъ правительства. Я указывалъ на то, что постановленія первой главы не соотвѣтствуютъ истинному политическому отношенію Финляндіи и Россіи, указывалъ на то, что предположенная въ введеніи къ проекту отмѣна нѣкоторыхъ постановленій закона 1826 г., несогласныхъ съ проектомъ, нарушаетъ наши государственные законы. Мои замѣтки были представлены бывшему тогда статсъ-секретарю Финляндіи барону Ф. А. Бруну, но дальнѣйшая ихъ судьба мнѣ не извѣстна.

Эти два эпизода, мнѣ кажется, даютъ достаточно основаній сомнѣваться въ правильности мнѣнія, высказываемаго и въ печати

и даже официально, что всѣ неудобства и затрудненія, вызываемыя введеніемъ новаго финляндскаго уложенія, объясняются лишь неточнымъ переводомъ и составляютъ результатъ простого недоразумѣнія; что ни въ какомъ случаѣ лица, подготовлявшія это уложеніе, не имѣли и мысли о какомъ-либо противопоставленіи интересовъ Имперіи и Великаго Княжества. Для меня, по крайней мѣрѣ, ясно, что такое недоразумѣніе едва ли могло существовать у нѣкоторыхъ изъ факторовъ, участвовавшихъ въ обработкѣ кодекса: члены университета высказались обстоятельно по этому вопросу еще въ 1883 году; въ статсъ-секретаріатъ были также представлены указанія, правда, совершенно частныя, но побуждавшія, казалось бы, статсъ-секретаріатъ къ выслушанію по этимъ вопросамъ мнѣнія компетентныхъ учрежденій Имперіи, прежде предложенія проекта на сеймъ 1888 года.

5 апрѣля 1890 г. въ 39 № сборника постановленій В. К. Финляндіи за 1889 г. появился официальный русскій текстъ уголовнаго уложенія для Великаго Княжества Финляндіи и дополнительныхъ къ нему узаконеній. Ознакомленіе съ этими законодательными актами вызвало обсужденіе ихъ въ нашей періодической прессѣ, а въ нѣкоторыхъ ея органахъ, равно какъ и въ финляндскихъ газетахъ, даже оживленную полемику, къ сожалѣнію, своею страстностью и увлеченіями значительно обострившую вопросъ.

Въ іюнѣ 1890 года я снова занялся подробнымъ разсмотрѣніемъ тѣхъ постановленій финляндскаго уложенія, которыми затрогивались интересы Имперіи, и въ особенности постановленій первой главы уложенія. Мои соображенія по этому предмету были изложены въ отдѣльной брошюрѣ, вызвавшей подробный отвѣтъ одного изъ выдающихся дѣятелей современной Финляндіи сенатора Монтгомери.

Наконецъ, первостепенная важность тѣхъ затрудненій, которыя могли возникнуть отъ введенія въ дѣйствіе финляндскаго уложенія въ томъ видѣ, какъ оно было опубликовано, побудила министра юстиціи и главноуправляющаго кодификаціоннымъ отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ представить наВысочайшее благоусмотрѣніе подробную по сему предмету записку, по разсмотрѣніи коей 17 октября 1890 года Государю Императору благоугодно было повелѣть образовать указанное въ манифестѣ Особое Совѣщаніе въ составѣ министра юстиціи, главноуправляющаго кодификаціоннымъ

отдѣломъ, генералъ-губернатора Финляндіи и министра статсъ-секретаря Великаго Княжества, а затѣмъ, 1 ноября 1890 г.—особую, какъ бы подготовительную коммиссію, подъ моимъ предсѣдательствомъ, изъ чиновъ министерства юстиціи (Н. А. Неклюдова) и кодификаціоннаго отдѣла (Е. Н. Розина и барона Э. Ю. Нольде), прокурора финляндскаго сената (В. В. Калоніуса) и чиновника статсъ секретаріата (А. П. Эттера), причемъ, въ виду близкаго наступленія дня введенія уложенія, нашей коммиссіи повелѣно было окончить возложенное на нее порученіе къ 15 ноября. Въ назначенный срокъ докладъ коммиссіи былъ представленъ Особому Совѣщанію, которое, разсмотрѣвъ подробно предположенія коммиссіи и согласившись съ ними по существу, журналъ свой о мѣрахъ, необходимыхъ для устраненія неудобствъ, вызываемыхъ введеніемъ финляндскаго уложенія, представило Государю Императору. 29 ноября Его Императорскимъ Величествомъ было повелѣно предположенія Совѣщанія исполнить, а вслѣдъ затѣмъ былъ обнародованъ и Высочайшій манифестъ 1 (13) декабря 1890 года.

III.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ важнѣйшихъ затрудненій, которыя вызывались новымъ финляндскимъ уложеніемъ, и предположеній, сдѣланныхъ для ихъ устраненія.

Постановленія новаго финляндскаго уголовнаго законодательства, имѣющія непосредственное отношеніе къ общегосударственнымъ интересамъ, какъ было указано во всеподданнѣйшемъ представленіи министра юстиціи и главноуправляющаго кодификаціоннымъ отдѣломъ, сводятся къ тремъ группамъ.

Къ первой должны быть отнесены постановленія, затрогивающія международныя отношенія Россіи къ иностраннымъ государствамъ и оказавшіяся несогласованными съ началами, принятыми въ законахъ Имперіи; ко второй, постановленія, отдѣляющія интересы Финляндіи отъ интересовъ Россіи и приравнивающія послѣднюю, въ отношеніи преслѣдованія на финляндской территоріи нѣкоторыхъ преступленій, къ иностраннымъ державамъ, и къ третьей, постановленія, отмѣняющія дѣйствіе отдѣльныхъ законоположеній, воспріявшихъ обязательную силу какъ въ Имперіи, такъ и въ Великомъ Княжествѣ.

Порядку этихъ группъ будемъ слѣдовать и мы въ дальнѣйшемъ изложеніи мѣропріятій, предположенныхъ упомянутыми выше комиссіею и Особымъ Совѣщаніемъ и удостоившихся Высочайшаго одобренія 29 ноября 1890 года.

Едва ли можетъ возникнуть сомнѣніе о томъ, что В. К. Финляндія, составляя нераздѣльную часть единаго государства Россійскаго, пользуясь, по волѣ Россійскихъ государей, самостоятельнымъ управленіемъ по своимъ внутреннимъ дѣламъ и имѣя особое въ отношеніи сихъ дѣлъ законодательство, въ международномъ союзѣ государствъ не занимаетъ, однако, никакого самостоятельнаго мѣста. Въ международномъ отношеніи Финляндія всецѣло поглащается общимъ понятіемъ Россіи: только съ Россіею ведутся дипломатическія сношенія; только при Россійскомъ Императорскомъ Дворѣ находятся дипломатическіе представителя иностранныхъ державъ; только Россіи объявляютъ войну и съ нею заключаютъ миръ; съ Россіею заключаются договоры о взаимной международной помощи противъ преступниковъ, о выдачѣ ихъ, о порядкѣ международныхъ судебныхъ сношеній и т. д. Очевидно, что по всѣмъ симъ предметамъ особыя постановленія въ мѣстномъ уголовномъ уложеніи представляются совершенно излишними. На основаніи этихъ соображеній и признано необходимымъ исключить изъ 1-ой главы финляндскаго уложенія § 7, говорящій о неподсудности дипломатическихъ агентовъ, а посему представлявшійся въ мѣстныхъ законахъ излишнимъ, тѣмъ болѣе, что русскій его текстъ, изложенный такъ: «относительно преступленій лицъ, состоящихъ при посольствахъ иностранныхъ державъ, имѣетъ силу, что общепринято или установлено договорами», представляется и не полнымъ, не упоминая о внѣземельности самихъ дипломатическихъ агентовъ, и неточнымъ, такъ какъ, по симъ вопросамъ, разумѣется, должны дѣйствовать не тѣ правила, которыя общепринятъ, а тѣ, которыя приняты Россіею или установлены договорами, ею заключенными.

Равнымъ образомъ, обязательными и для В. К. Финляндіи представляются договоры, заключаемые Россіею съ другими державами объ охранѣ нѣкоторыхъ, такъ сказать, международныхъ интересовъ и о введеніи, въ видахъ этой охраны, особыхъ постановленій въ уголовные кодексы. Конечно, примѣненіе карательныхъ мѣръ къ такого рода нарушеніямъ обязательно и для финляндскихъ

судебныхъ мѣстъ въ силу самого факта заключенія Россіею договоровъ сего рода, безотносительно къ признанію или непризнанію необходимости подобныхъ постановленій мѣстными земскими чинами сейма; но, однако, простое распространеніе дѣйствія этихъ постановленій и на Финляндію, какъ признало и Совѣщаніе, могло бы вызвать значительныя неудобства. Въ означенныхъ договорахъ обыкновенно не содержится прямо формулированныхъ карательныхъ постановленій, а указываются только общія начала охраны извѣстныхъ интересовъ и необходимость установленія карательныхъ о семъ правилъ. Самыя же постановленія вносятся въ уголовные кодексы, въ общемъ порядкѣ изданія уголовныхъ законовъ, въ виду того, что они будутъ примѣняемы къ проступкамъ, учиненнымъ въ данномъ краѣ, и мѣстными судебными установленіями, а потому должны быть соображены съ другими постановленіями мѣстныхъ уголовныхъ законовъ, съ принятою въ кодексѣ системою уголовныхъ каръ, съ постановленіями о соучастіи, покушеніи, совокупности и т. д. По симъ соображеніямъ по сему предмету сдѣланы двоякія предположенія. Въ-1-хъ, нынѣ же предполагается дополнить финляндское уложеніе постановленіями, основывающимися на заключенныхъ уже Россіею трактатахъ, какъ, напр., объ охранѣ международнаго телеграфнаго кабеля (ст. 101^{1}, 101^{2} уст. о нак.) и объ охранѣ торговыхъ и промышленныхъ этикетовъ и знаковъ тѣхъ державъ, съ коими заключены Россіею по сему предмету особые договоры. Во-2-хъ, предположено принять надлежащія мѣры къ тому, чтобы договоры, объемлющіе и Финляндію, были тамъ установленнымъ порядкомъ обнародовываемы и чтобы, при изданіи въ Имперіи на основаніи такихъ договоровъ карательныхъ законовъ, соотвѣтственныя правила были немедленно опредѣляемы и въ В. Княжествѣ. Для осуществленія этихъ предположеній въ Высочайше утвержденномъ журналѣ Совѣщанія указаны два мѣропріятія: а) предоставить министру статсъ-секретарю Финляндіи войти въ сношеніе съ министромъ иностранныхъ дѣлъ относительно обнародованія въ семъ краѣ, какъ заключенныхъ уже, такъ и могущихъ быть заключенными впредь между Россіею и иностранными государствами договоровъ, дѣйствіе коихъ распространяется и на Финляндію; б) поручить министру юстиціи при изданіи въ Имперіи уголовныхъ законовъ объ охранѣ какихъ либо международныхъ интересовъ входить въ сношенія съ министромъ статсъ-

секретаремъ В. К. по предмету установленія соотвѣтствующихъ симъ законамъ карательныхъ правилъ для Финляндіи.

Далѣе, выходя изъ того непререкаемаго положенія, что въ международныхъ отношеніяхъ В. К. Финляндія самостоятельнаго мѣста не занимаетъ, естественно нужно придти къ тому выводу, что и внѣшняя безопасность Финляндіи должна охраняться тѣми же мѣрами, какъ и безопасность Имперіи: всякое посягательство на Финляндію есть посягательство на Имперію и наоборотъ; Финляндія не можетъ имѣть отдѣльныхъ отъ Имперіи враговъ и союзниковъ; не можетъ имѣть отдѣльныя средства обороны, свою самостоятельную армію или флотъ, свои крѣпости и т. д.; отсюда понятно, что и постановленія мѣстнаго уложенія о посягательствахъ на внѣшнюю безопасность государства, а въ частности постановленія объ измѣнѣ, должны быть не только аналогичны, но, по возможности, тождественны. Въ этомъ отношеніи изложеніе главы XII финляндскаго уложенія вызвало необходимость весьма существенныхъ измѣненій и дополненій.

Прежде всего указано измѣнить самую редакцію этихъ статей, исключивъ допущенное въ текстѣ отдѣленіе и какъ бы противоположеніе Финляндіи и Россіи, какъ объекта преступныхъ посягательствъ, замѣнивъ выраженіе «Финляндія и Россія» общимъ понятіемъ «Россія», объемлющимъ все государство въ его совокупности, а равнымъ образомъ замѣнивъ выраженіе «финляндскій гражданинъ», употреблявшееся въ этихъ статьяхъ для означенія виновника преступленія, выраженіемъ «финляндецъ или иной россійскій подданный», такъ какъ очевидно, что въ посягательствахъ на внѣшнюю безопасность Россіи не можетъ существовать никакого различія въ условіяхъ отвѣтственности между всѣми подданными Россіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, постановленія объ измѣнѣ предположено дополнить указаніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, не упомянутыхъ въ финляндскомъ уложеніи, какъ, напр., случай оказанія вооруженнаго сопротивленія Россійскимъ военнымъ силамъ. Наконецъ, возвышена наказуемость за измѣну, причемъ предположено для важнѣйшихъ случаевъ измѣны ввести смертную казнь, поставивъ ее эвентуально съ заключеніемъ въ смирительномъ домѣ (соотвѣтствующимъ нашей каторгѣ) пожизненно или на срокъ не ниже шести лѣтъ.

Далѣе, въ виду необходимости соглашенія съ дѣйствующимъ русскимъ правомъ, предположено существенно измѣнить: а) постановленія финляндскаго уложенія о возбужденіи иностраннаго правительства къ враждебнымъ противъ Россіи дѣйствіямъ, включивъ сюда и случаи обѣщанія иностранному правительству, даннаго прежде начатія войны, оказать содѣйствіе его военнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи, и б) постановленія § 7 главы XII объ отвѣтственности тѣхъ лицъ, на коихъ возложено веденіе дипломатическихъ переговоровъ или исполненіе какихъ-либо иныхъ подобнаго рода порученій, пополнивъ также и это постановленіе указаніемъ на случаи умышленнаго употребленія такимъ лицомъ оказаннаго ему довѣрія въ явный вредъ для Россіи. Затѣмъ, предположено къ исключенію весьма своеобразное, но въ то же время крайне неопредѣленное и неимѣющее практическаго значенія, постановленіе объ отвѣтственности тѣхъ, кто, принявъ отъ иностранной державы какой-либо даръ, будетъ благопріятствовать оной во вредъ Финляндіи или Россіи. Необходимость такого исключенія вполнѣ объясняется не только отсутствіемъ подобнаго постановленія въ нашемъ правѣ, но равнымъ образомъ и тѣмъ, что, съ одной стороны, самое понятіе благопріятствованія иностранной державѣ можетъ опредѣляться лишь высшими соображеніями государственной власти, а не усмотрѣніемъ мѣстныхъ судебныхъ органовъ, для сего едвали компетентныхъ, а съ другой, что нѣкоторые наиболѣе важные случаи этого рода подойдутъ подъ общія постановленія о взяточничествѣ. Кромѣ того, предположено дополнить уложеніе постановленіями о наказуемости заговора на совершеніе измѣнническихъ дѣйствій, о чемъ въ настоящей редакціи главы XII никакихъ постановленій не содержалось.

Первоначально предполагалось сдѣлать еще весьма существенное дополненіе этой главы простановленіями о наказуемости шпіонства въ мирное время. Но затѣмъ Совѣщаніе, признавая также совершенную недостаточность постановленій по сему предмету финляндскаго уложенія, нашло такое пополненіе несвоевременнымъ, такъ какъ, въ виду недостаточности постановленій по сему предмету нашего имперскаго уложенія, въ настоящее время уже выработанъ новый законопроектъ, а потому такое пополненіе правильнѣе будетъ сдѣлать послѣ того, какъ этотъ проектъ будетъ разсмотрѣнъ и принятъ нашими государственными установленіями; нынѣ

же указано только сдѣлать усиленіе отвѣтственности по § 1 главы XLII—за случаи сообщенія плановъ укрѣпленій иностраннымъ державамъ.

Совершенно соотвѣтственныя съ только-что изложенными измѣненія предположено сдѣлать и въ главѣ XIV, говорящей о преступленіяхъ противъ дружественныхъ государствъ, такъ какъ, очевидно, и здѣсь исключительное значеніе должны имѣть постановленія общаго уголовнаго законодательства, а не мѣстныхъ законовъ. Поэтому, въ § 3 этой главы предположено ввести, какъ условіе наказуемости, существованіе взаимности въ семъ отношеніи между Россійскою Имперіею и иностранными государствами, а затѣмъ дополнить эту главу недостающими въ ней постановленіями объ отвѣтственности за нарушеніе правилъ о нейтралитетѣ, установленнымъ порядкомъ обнародованныхъ, и объ отвѣтственности за надругательство надъ публично выставленнымъ государственнымъ гербомъ или инымъ державнымъ знакомъ дружественнаго государства.

IV.

Другая группа недоразумѣній, вызванныхъ предстоявшимъ введеніемъ финляндскаго уложенія, вытекала изъ отдѣленія въ кодексѣ интересовъ Финляндіи отъ интересовъ Имперіи и ея жителей, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ недостаточной охраны послѣднихъ.

Въ этомъ отношеніи совершенно несоотвѣтственными являлись прежде всего нѣкоторыя постановленія отдѣльныхъ главъ уложенія, которыя, говоря объ охранѣ интересовъ Финляндіи и ея жителей, вовсе не упоминали о таковой-же охранѣ интересовъ Россіи. Такъ напр., по § 13 главы XXXVI подвергались отвѣтственности виновные въ продажѣ или храненіи товара съ поддѣльными знаками производителя или торговца финляндскихъ или же *другой страны* (l'autre État во французскомъ переводѣ), если финляндскіе производители въ той странѣ пользуются одинаковою охраною, но объ отвѣтственности за поддѣлку и употребленіе подложныхъ знаковъ производителей или торговцевъ Имперіи вовсе не упоминалось. Такое же опущеніе сдѣлано было въ §§ 10 и 12 той же главы относительно поддѣлки имперскихъ гербовыхъ и почтовыхъ марокъ.

Въ главѣ XXXVII въ § 1 говорилось о поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ финляндскимъ или другимъ государствен-

нымъ банкомъ или, съ разрѣшенія *мѣстнаго или иностраннаго* правительства: инымъ денежнымъ (такъ въ подлинникѣ) учрежденіемъ, а въ § 4 опредѣлялась отвѣтственность за поддѣлку бумагъ на предъявителя, выпущенныхъ *финляндскимъ правительствомъ, другимъ государствомъ,* или же, съ дозволенія *мѣстнаго или иностраннаго* правительства, общиной и т. д. Такимъ образомъ, оказывалось, что поддѣлку россійскихъ кредитныхъ билетовъ, выпускаемыхъ не государственнымъ банкомъ, а правительствомъ, а равно поддѣлку акцій, облигацій, закладныхъ листовъ россійскихъ общественныхъ и частныхъ банковъ, обществъ и компаній, или нужно было признать вовсе не наказуемою, или же, что, съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ Россіи, представлялось еще болѣе невозможнымъ, приходилось признать, что выраженія «иностранное правительство» и «другое государство» объемлютъ собою какъ иностранныя державы, такъ и Россійскую Имперію [1]).

Всѣ эти статьи предположено пополнить тѣмъ, что въ текстѣ должны быть поставлены наравнѣ россійскіе и финляндскіе денежные знаки, марки, клеймы, этикеты и т. п.

По тѣмъ же соображеніямъ предположено пополнить § 16 главы XVI опредѣленіемъ объ отвѣтственности за порчу публично выставленныхъ россійскаго флага или герба, въ особенности когда это сдѣлано съ цѣлью оказать неуваженіе къ власти, такъ какъ такой случай оказался вовсе непредусмотрѣннымъ въ финляндскомъ уложеніи.

Подобное же отдѣленіе и даже противоположеніе интересовъ Финляндіи и Россіи особенно рѣзко проявилось въ общихъ постановленіяхъ кодекса о пространствѣ его дѣйствій. На основаніи § 1 главы I-й, финляндецъ, учинившій заграницею преступленіе противъ Финляндіи или финляндскаго гражданина, подлежалъ наказанію безъ всякихъ ограничительныхъ условій, въ общемъ порядкѣ, а учинившій такія же преступленія противъ Россіи и русскихъ гражданъ наказывался только въ томъ случаѣ, если послѣдуетъ особое Высочайшее повелѣніе о судебномъ преслѣдованіи винов-

[1]) Сенаторъ Монтгомери въ своемъ отвѣтѣ на мою брошюру замѣчаетъ (стр. 20), что финляндскій и шведскій тексты не допускаютъ сомнѣнія о примѣнимости постановленій главы XXXVII къ поддѣлкѣ всякихъ русскихъ цѣнныхъ бумагъ, но воздерживается отъ разъясненія, какой именно пріемъ толкованія текста будетъ давать право на подобное его расширеніе.

наго; по § 2-му—не финляндскій гражданинъ, совершившій заграницею преступленіе противъ Финляндіи или финляндскаго подданнаго, подлежалъ наказанію, если послѣдуетъ повелѣніе Государя Императора и Великаго Князя, но совершившій такое же дѣяніе противъ Россіи или русскихъ гражданъ вовсе не подлежалъ наказанію. Такимъ образомъ оказывалось, что финляндецъ убійца, изнасилователь, поджигатель, учинившій за-границей эти преступленія противъ жителей Россійской Имперіи, или даже учинившій преступное посягательство на государственный строй Россіи и бѣжавшій затѣмъ въ Финлядію, могъ проживать тамъ недѣли и мѣсяцы безпрепятственно, пока не окончится вся, по необходимости сложная, процедура испрошенія сепаратнаго Высочайшаго повелѣнія о привлеченіи виновнаго къ уголовной отвѣтственности; а иностранецъ, убившій, напр., въ Берлинѣ русскаго и бѣжавшій въ Финляндію, оказывался въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ такой же преступникъ, бѣжавшій въ Данію, такъ какъ онъ не могъ-бы за такое дѣяніе судиться въ Финляндіи и не могъ-бы быть переданъ для сужденія изъ Финляндіи въ Имперію, за вполнѣ понятнымъ отсутствіемъ не только какихъ-либо по сему предмету договоровъ, но и отдѣльныхъ процессуальныхъ постановленій [1]).

Всѣ эти постановленія предположены къ измѣненію въ смыслѣ полнаго приравненія по отношенію къ уголовной охранѣ интересовъ Имперіи и Великаго Княжества.

Болѣе осложненій возбуждалъ второй подобный же вопросъ, а именно самое техническое опредѣленіе пространства дѣйствія уголовнаго закона. Въ уголовныхъ кодексахъ государствъ вполнѣ са-

---

[1]) Сенаторъ Монтгомери (стр. 10) объясняетъ отговорку объ испрошеніи особаго повелѣнія тѣмъ, что во 1-хъ имѣлся въ виду законъ 1826 г., остававшійся въ силѣ, почему эта оговорка должна была относиться къ тѣмъ только случаямъ, когда, Государю Императору было бы благоугодно повелѣть судить въ Финляндіи финляндца или не финляндца, совершившихъ преступленіе въ предѣлахъ Имперіи, и во-2-хъ—чтобы устранить привлеченіе къ отвѣтственности за маловажныя дѣянія. Но, не говоря уже о томъ, что, за отсутствіемъ въ законѣ 1826 г. какихъ-либо изъятій сего рода, выходитъ, по мнѣнію уважаемаго сенатора, что финляндское уложеніе этою добавкою отмѣняло общій законъ, подлежащій отмѣнѣ только въ порядкѣ, ст. 73 законовъ основныхъ установленномъ,—всякому очевидно, что всѣ эти соображенія не имѣютъ никакого отношенія къ случаямъ учиненія финляндцемъ или не финляндцемъ тяжкихъ преступленій противъ русскаго не въ Имперіи, а въ Швеціи, Даніи или иномъ иностранномъ государствѣ.

мостоятельныхъ, при установленіи территоріальныхъ предѣловъ дѣйствія законовъ уголовныхъ, различаютъ обыкновенно два понятія: предѣлы государства и внѣ государственное пространство. Хотя въ этихъ кодексахъ, въ особенности въ государствахъ политически составныхъ, но имѣющихъ общее законодательство, какова, напр., Германская имперія, точное опредѣленіе вышеуказанныхъ понятій вызываетъ на практикѣ много сомнѣній и создало цѣлую литературу; но въ государствахъ, не разносоставныхъ, а только имѣющихъ отдѣльные мѣстные уголовные законы, вопросъ значительно осложняется, такъ какъ представляется необходимымъ различать три территоріальныя понятія: край, государство, часть коего составляетъ данный край, и загосударственную область. Различеніе этихъ понятій представляется весьма существеннымъ, такъ какъ, очевидно, что взаимное отношеніе судебно-карательной дѣятельности въ краѣ, имѣющемъ мѣстное законодательство, къ таковой же въ другихъ областяхъ того же государства, не можетъ быть поставлено одинаково съ отношеніемъ къ карательной дѣятельности иностранныхъ государствъ.

Съ этими затрудненіями встрѣтилась и редакціонная коммиссія по составленію проекта нашего уголовнаго уложенія, въ виду того, что и въ немъ должны были быть помѣщены постановленія, имѣющія прямое отношеніе къ Финляндіи и ея обывателямъ. Для устраненія этихъ техническихъ неудобствъ, коммиссія предположила ввести въ проектъ одинъ общій терминъ, который охватывалъ бы все Государство россійское, со включеніемъ въ него и Финляндіи, а именно «Россія», и всѣ производныя отъ сего термина выраженія, какъ, напр., «россійскія владѣнія, россійскій подданный, россійская граница» и т. п., и частные термины—«В. К. Финляндія», «Имперія Россійская». Такимъ образомъ, тѣ статьи, которыя говорятъ о преступныхъ дѣяніяхъ, учиненныхъ «россійскими подданными», будутъ относиться ко всѣмъ подданнымъ государства, включая сюда и финляндцевъ — въ противоположность иностранцамъ; равнымъ образомъ выраженія: «за предѣлами Россіи», «права Россіи», «противъ Россіи» и т. п. будутъ означать все государство, включая сюда и Финляндію. Напротивъ того, въ тѣхъ постановленіяхъ, въ которыхъ почему-либо нужно было особо указать, что они могутъ имѣть отношеніе или только къ Финляндіи и ея обывателямъ, или только къ Имперіи, коммиссія употребляла частные

термины—Россійская Имперія, В. К. Финляндія—придавая этимъ постановленіямъ болѣе тѣсный объемъ [1]).

Напротивъ того, составители финляндскаго уложенія усвоили только два термина: «въ краѣ» или «въ Финляндіи» и «внѣ края». Правда, въ русскомъ текстѣ финляндскаго уложенія кромѣ выраженія «внѣ края» встрѣчается выраженіе «за границею»; но это различіе, какъ оказалось по сличеніи русскаго съ шведскимъ текстомъ, являлось простою неточностью изложенія, такъ какъ въ шведскомъ текстѣ вездѣ стояло выраженіе «utom landet», т. е. «внѣ края», причемъ это выраженіе относилось какъ къ территоріи иностранныхъ державъ, такъ и къ территоріи Имперіи.

Такая терминологія при буквальномъ толкованіи закона приводила къ совершенно невозможнымъ юридическимъ и политическимъ выводамъ. Какъ я указывалъ въ моей брошюрѣ, по тексту закона оказывалось, что финляндскіе граждане, а равно проживающіе (въ шведскомъ текстѣ даже «*находящіеся*») въ Финляндіи иностранцы или даже жители имперіи за преступныя дѣянія, учиненныя на финляндскомъ суднѣ въ предѣлахъ Имперіи, или даже на самой территоріи Имперіи (внѣ края, т.-е. Финляндіи), могли быть судимы въ Финляндіи и наказаны по финляндскому уложенію, и притомъ или безусловно (на суднѣ, или вообще противъ Финляндіи—финляндскими гражданами), или по испрошеніи отдѣльнаго на каждый

---

[1]) Эта терминологія вызвала весьма своеобразную замѣтку въ одномъ изъ нашихъ повременныхъ изданій, усмотрѣвшемъ въ различіи терминовъ Россія и Россійская Имперія чуть не нарушеніе законовъ основныхъ. Великое Княжество Финляндское есть область или, говоря словами закона, «край» общаго государства Россійскаго, но область—имѣющая отдѣльное законодательство, а посему въ законодательствѣ, какъ общемъ, такъ и мѣстномъ, необходимо различать постановленія, относящіяся или ко всему государству, всѣмъ областямъ государства, за исключеніемъ В. Княжества, или же къ одному В. Княжеству. Изъ того, что слова «Россія» или «Россійское государство» будутъ обнимать собою всѣ области, государства, также мало можно заключить о томъ, что Россійская Имперія не есть Россія, какъ изъ выраженія, что Монархъ Всероссійскій есть Императоръ и Великій Князь, нельзя заключить, что Императоръ не есть Всероссійскій Монархъ. То обстоятельство, что основные законы Имперіи Россійской говорятъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ статей, только объ Имперіи и Императорѣ, совершенно вѣрно, но эти законы не суть «коренные законы» Финляндіи, иначе Императору Александру II и нынѣ Царствующему Государю не было бы основанія повелѣть кодифицировать основные законы Финляндіи, не было бы основанія заботиться о томъ, чтобы эти законы не содержали бы чего-либо не соотвѣтствующаго дѣйствительнымъ отношеніямъ Россійской Имперіи и Финляндіи.

случай Высочайшаго повелѣнія. Такимъ образомъ, финляндецъ, пріѣхавшій на лайбѣ съ дровами въ Петербургъ и обругавшій, положимъ, своего покупателя, подравшійся въ пьяномъ видѣ съ соотечественникомъ или пырнувшій его со злости ножемъ; дачникъ, пріѣхавшій въ Петербургъ изъ Выборга и на пароходѣ или на Петербургской станціи финляндской желѣзной дороги, обругавшій кого-либо изъ членовъ экипажа или кондуктора — финляндскихъ гражданъ, по тексту финляндскаго уложенія могли быть изъяты изъ-подъ дѣйствія нашихъ законовъ и наказаны въ Финляндіи по финляндскимъ законамъ!! На такое положеніе представлялось совершенно невозможнымъ по началамъ не только международнаго, но и русскаго государственнаго права. Во-первыхъ, по основнымъ началамъ территоріальнаго государственнаго права всякое преступное дѣяніе, учиненное на территоріи имперіи, судится и наказывается по ст. 168 уложенія, все равно, учинено ли оно иностранцемъ или финляндскимъ гражданиномъ или лицомъ, проживающимъ въ Финляндіи, если только эти лица не пользуются внѣземельностью. Признать за такими лицами право отвѣтственности по финляндскимъ законамъ значитъ поставить Имперію въ такое же отношеніе къ Финляндіи, въ какомъ стоятъ Турція или Персія къ Европейскимъ государствамъ. Во-вторыхъ, порядокъ отвѣтственности не только лицъ, проживающихъ въ Финляндіи, но и финляндскихъ гражданъ за преступленія, учиненныя въ предѣлахъ Имперіи, опредѣляется въ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуютъ уставы Императора Александра II и дополняющія ихъ узаконенія, статьею 216 уст. угол. суд., а въ прочихъ мѣстностяхъ статьями 787 и слѣд. 2 ч. XV т. (изд. 1876 г.). Эти законы не отмѣняются, конечно, новымъ финляндскимъ уложеніемъ, такъ какъ ихъ измѣненіе или отмѣна могутъ воспослѣдовать лишь въ порядкѣ, нашими основными законами установленномъ.

Если бы такое лицо, совершивъ преступленіе въ Имперіи, успѣло бѣжать въ Финляндію, то нашъ судъ, примѣняясь къ ст. 788 ч. 2 т. XV (изд. 1876 г.), имѣетъ право требовать его высылки изъ Финляндіи и начальство, какъ говоритъ законъ, коимъ онъ будетъ отысканъ, *обязано* отправить его въ тотъ судъ, вѣдѣнію коего онъ подлежитъ.

Подобныя же затрудненія возбуждалъ § 3, говорившій объ отвѣтственности по финляндскому уложенію лицъ, состоящихъ на

службѣ края и совершившихъ преступленіе по должности внѣ края, насколько это постановленіе относилось къ Имперіи, такъ какъ невьзя же предположить, чтобы, напр., начальникъ Петербургской или Шуваловской станціи финляндской желѣзной дороги, нанесшій, положимъ, при исполненіи своихъ обязанностей оскорбленіе пассажиру, кондукторъ или машинистъ этой дороги, причинившій крушеніе поѣзда въ предѣлахъ Имперіи, судились бы въ финляндскомъ судѣ по финляндскому уложенію, а не по имперскимъ законамъ.

Совѣщаніе предположило замѣнить во всѣхъ подлежащихъ статьяхъ выраженіе „внѣ края“ выраженіемъ „внѣ россійскихъ владѣній“ и тѣмъ устранить всякую возможность предполагать, что мѣстными финляндскими законами опредѣляется порядокъ судимости и отвѣтственности лицъ, учинившихъ преступное дѣяніе въ Имперіи и бѣжавшихъ въ Финляндію, а равно предположено въ соотвѣтственныхъ статьяхъ ввести выраженіе „Россія“, какъ терминъ, объемлющій собою всѣ области государства Россійскаго.

Но эти измѣненія въ изложеніи постановленій первой главы вызвали другой вопросъ, стоящій въ непосредственной связи съ указаннымъ мною въ предшествующемъ отдѣлѣ принципомъ несамостоятельности Финляндіи въ международныхъ отношеніяхъ.

Несомнѣнно, что могутъ быть случаи, когда лицо, совершившее преступное дѣяніе за границей и затѣмъ бѣжавшее въ Финляндію, будетъ судиться въ Финляндіи по финляндскимъ законамъ; но, тѣмъ не менѣе, въ виду международнаго значенія этихъ случаевъ, условія отвѣтственности такихъ лицъ не могутъ быть, въ основныхъ чертахъ, иными, чѣмъ тѣ, кои установлены въ законахъ Имперіи.

Въ самомъ дѣлѣ, по общимъ началамъ международнаго права, въ случаѣ учиненія, положимъ, финляндцемъ преступнаго дѣянія въ иностранной державѣ, виновный подвергается дѣйствію мѣстныхъ законовъ; но если онъ бѣжалъ, то наступаетъ дѣйствіе международныхъ карательныхъ правилъ, т. е. или требованіе выдачи его, или примѣненіе къ нему законовъ страны, въ которую онъ бѣжалъ. Если такой финляндецъ бѣжалъ, положимъ, изъ Даніи, Швеціи и т. п., то, какъ русскій подданный, онъ выдачѣ не подлежитъ, а заинтересованное государство можетъ только домогаться его наказуемости въ Россіи, причемъ для этой державы безразлично, бѣжалъ ли онъ въ Ригу или Гельсингфорсъ; — для ино-

страннаго государства это одинаково части одной державы и она въ правѣ ожидать въ обоихъ случаяхъ одинаковой охраны своихъ интересовъ.

Между тѣмъ постановленія финляндскаго уложенія существенно отличаются отъ постановленій ст. 174 нашего уложенія, требуя, между прочимъ, въ каждомъ подобномъ отдѣльномъ случаѣ особаго Высочайшаго повелѣнія для начатія уголовнаго преслѣдованія и вводя такимъ образомъ совершенно несостоятельное съ практической стороны процессуальное условіе, заставляющее по каждому даже ничтожному обвиненію напр., въ маловажной кражѣ, въ нанесеніи легкихъ ранъ, даже въ простой обидѣ, входить особо съ всеподданнѣйшимъ докладомъ.

И въ этомъ отношеніи предположено измѣнить постановленія финляндскаго уложенія соотвѣтственно съ законами имперіи, содержащимися въ ст. 174 уложенія.

Въ связи съ только-что изложеннымъ вопросомъ о подсудности за нарушенія, учиненныя внѣ края, находится и еще одно постановленіе §§ 1 и 2 главы I-й, а именно о подсудности финляндскимъ законамъ всякаго преступленія, совершеннаго *внѣ края* на финляндскомъ суднѣ и притомъ все равно, было ли оно учинено финляндцемъ или не финляндцемъ, находящимся въ краѣ (въ данномъ случаѣ, очевидно, находившимся на суднѣ).

Это постановленіе въ его буквальномъ изложеніи возбуждало много недоразумѣній и, какъ указывалъ я въ своей брошюрѣ, прежде всего возбуждало вопросъ: о какомъ суднѣ говорилось въ этихъ параграфахъ? Военнаго флота, пользующагося повсемѣстно правомъ внѣземельности, В. К. Финляндія не имѣетъ, слѣдовательно, это постановленіе могло относиться лишь къ судамъ торговымъ. Но, въ смыслѣ международномъ, имѣетъ ли Финляндія свой торговый флотъ? Какъ въ открытомъ морѣ, такъ и въ иностранныхъ портахъ, суда, принадлежащія финляндскимъ гражданамъ, должны быть почитаемы частью россійскаго флота, судами, плавающими подъ россійскимъ флагомъ; посему и порядокъ отвѣтственности за учиненныя на такихъ судахъ преступныя дѣянія, если бы въ томъ встрѣтилась надобность, собственно говоря, долженъ бы былъ быть опредѣляемъ законами Имперіи, а затѣмъ въ сихъ же законахъ могъ бы быть установленъ и порядокъ передачи сихъ лицъ для сужденія въ Финляндію, если бы Импера-

торское правительство сочло сіе цѣлесообразнымъ, подобно тому, какъ передаются для сужденія въ Финляндію финляндскіе обыватели, бѣжавшіе за границу и выданные Россіи по требованію Имперскаго правительства [1]). Кромѣ того, это постановленіе, какъ относящееся до торговаго флота, неправильно и съ точки зрѣнія международнаго права. Торговые корабли въ территоріальныхъ водахъ какого-либо государства внѣземельностью не пользуются, и виновные въ учиненіи преступленія на такомъ кораблѣ, безотносительно къ ихъ національности, подлежатъ, *по общему правилу*, отвѣтственности по мѣстнымъ законамъ, неподсудность же ихъ мѣстнымъ судамъ, по общепринятой такъ называемой французской системѣ, допускается только относительно маловажныхъ преступныхъ дѣяній, не нарушающихъ спокойствія гавани. Поэтому обыватель Финляндіи, совершившій, положимъ, въ Копенгагенѣ, на суднѣ, принадлежащемъ финляндскому же гражданину, убійство, изнасилованіе или другое тяжкое дѣяніе, будетъ отвѣчать по датскимъ законамъ. Если же виновный успѣлъ бѣжать въ Финляндію, то неподсудность его датскимъ судамъ, какъ *русскаго* подданнаго, опредѣляется лишь на основаніи договора Россіи съ Даніею о выдачѣ, а не на основаніи § 1 финляндскаго уложенія. Несостоятельность этихъ постановленій съ точки зрѣнія международнаго права представлялась еще болѣе очевидною, когда дѣло шло не о финляндцахъ, а о какомъ либо иномъ лицѣ, находившемся на

[1]) Сенаторъ Монтгомери, стр. 7, замѣчаетъ, что я употребилъ изумительный парадоксъ, утверждая, что у Финляндіи нѣтъ торговаго флота и забывая 2.000 судовъ, которыя занесены въ судовые реестры городовъ Финляндіи и снаряжены финляндскими судохозяевами; но черезъ двѣ строчки далѣе онъ самъ же говоритъ: „Хотя на финляндскихъ судахъ развѣвается торговый флагъ Россійскаго государства и хотя эти суда *въ международныхъ отношеніяхъ являются частью торговаго флота Россійскаго государства*, все же они остаются судами финляндскими". Я позволю себѣ думать, что приведенныя строки *буквально* тождественны съ высказаннымъ мною мнѣніемъ, а равно и съ цитированнымъ сенаторомъ Монтгомери торговымъ трактатомъ 20 марта 1875 г. Мы расходимся только въ дальнѣйшихъ выводахъ. Я говорю, что, впрочемъ, думается мнѣ, составляетъ безспорное положеніе международнаго права, что судно въ открытомъ морѣ составляетъ территорію того государства, *чей флагъ оно носитъ*, со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями, а уважаемый сенаторъ это отрицаетъ. Далѣе, я дѣлалъ оговорку, что, въ интересахъ цѣлесообразности, Россія, конечно, можетъ предоставить разсмотрѣніе уголовныхъ дѣлъ, учиненныхъ въ открытомъ морѣ, на суднѣ, приписанномъ къ финляндскому порту, Финляндіи и эту-то практическую точку зрѣнія приняло въ настоящемъ случаѣ и Особое Совѣщаніе.

финляндскомъ суднѣ. Если шведъ, хотя бы и проживающій въ Финляндіи, учинилъ въ Стокгольмѣ преступное дѣяніе на торговомъ суднѣ, принадлежащемъ финляндцу, то несомнѣнно, что онъ будетъ отвѣчать по шведскимъ законамъ, и если бы онъ бѣжалъ въ Финляндію, то Швеція имѣетъ право *требовать отъ Россіи* его выдачи и никакія финляндскія узаконенія не могутъ воспрепятствовать таковой выдачѣ.

Наконецъ, выводы изъ этихъ постановленій дѣлались и юридически и политически невозможными, если подъ выраженіемъ „ внѣ края“ понимать и Имперію, такъ какъ тогда оказалось бы, что преступникъ финляндецъ или проживающій въ Финляндіи, учинившій преступное дѣяніе на лайбѣ, стоявшей на Невѣ или на Фонтанкѣ и бѣжавшій въ Финляндію, подлежалъ бы наказанію по мѣстнымъ законамъ.

Конечно, и въ этомъ отношеніи постановленія кодекса подлежали существеннымъ измѣненіямъ, хотя при этомъ было признано однако цѣлесообразнымъ, въ случаѣ учиненія въ открытомъ морѣ преступныхъ дѣяній на судахъ, приписанныхъ къ финляндскимъ портамъ, сохранить подсудность таковыхъ дѣяній финляндскимъ законамъ.

По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ указано измѣнить болѣе или менѣе существенно всѣ постановленія первой главы, а въ особенности §§ 1 и 2, опредѣляющіе территоріальное дѣйствіе закона, и измѣнить не только въ изложеніи, но и въ существѣ, какъ это можно наглядно усмотрѣть, изъ сопоставленія ихъ редакціи:

По русскому тексту узаконеній.

§ 1. По финляндскому закону финляндскій гражданинъ судится за преступленіе, совершенное имъ въ Финляндіи или же за границею на финляндскомъ суднѣ, или противъ Финляндіи, или противъ финляндскаго же гражданина, равно какъ и за другое внѣ края совершенное преступленіе, если воспослѣдуетъ повелѣніе Госу-

По предположеніямъ Совѣщанія.

§ 1. Финляндецъ судится по сему уложенію:

1) за преступленіе, учиненное имъ въ предѣлахъ Великаго Княжества Финляндскаго;

2) за преступленіе, учиненное внѣ Россійскихъ владѣній, когда виновный прибылъ въ Финляндію или былъ переданъ туда для сужденія, буде преступленіе

По русскому тексту узаконеній.

даря Императора и Великаго Князя о судебномъ преслѣдованіи виновнаго въ Финляндіи.

§ 2. Кто не финляндскій гражданинъ, но проживаетъ здѣсь въ краѣ, тотъ судится по финляндскому закону и финляндскимъ судомъ за преступленіе, совершенное имъ въ Финляндіи или на финляндскомъ суднѣ за границею.

Тотъ же законъ дѣйствуетъ, когда такое лицо совершило за предѣлами Финляндіи преступленіе противъ Финляндіи или финляндскаго гражданина, если воспослѣдуетъ повелѣніе Государя Императора и Великаго Князя о судебномъ преслѣдованіи преступленія здѣсь, въ краѣ.

По предположеніямъ Совѣщанія.

его: а) направлено противъ Россіи или же противъ финляндца или иного русскаго подданнаго; б) направлено противъ верховной власти иностраннаго государства или противъ правъ иностраннаго подданнаго и, притомъ, на виновнаго поступила жалоба со стороны иностраннаго правительства или потерпѣвшаго иностранца; в) учинено на торговомъ суднѣ, приписанномъ къ финляндскому порту и находившемся во время учиненія дѣянія въ открытомъ морѣ.

На семъ же основаніи подлежатъ отвѣтственности нефинляндцы, учинившіе преступленіе внѣ Россійскихъ владѣній и пріобрѣтшіе, засимъ, права финляндскаго гражданства.

§ 2. Нефинляндцы судятся по сему уложенію за преступныя дѣянія, учиненныя ими въ предѣлахъ Великаго Княжества или на приписанномъ къ финляндскому порту суднѣ въ открытомъ морѣ, буде относительно судимости сихъ лицъ не существуетъ въ законахъ Имперіи или Великаго Княжества особыхъ постановленій.

Равнымъ образомъ, дѣйствію сего уложенія подлежатъ нефинляндцы, учинившіе внѣ Россійскихъ владѣній преступныя дѣянія, направленныя противъ Рос-

По русскому тексту узаконеній.	По предположеніямъ Совѣщанія.
Финляндскій законъ имѣетъ быть примѣняемъ также и тогда, когда такое лицо совершило преступленіе внѣ Финляндіи, но послѣ сего пріобрѣло право финляндскаго гражданства, если притомъ воспослѣдуетъ повелѣніе Государя Императора и Великаго Князя о судебномъ преслѣдованіи преступленія здѣсь.	сіи или же противъ финляндца или иного русскаго подданнаго, когда виновный прибылъ затѣмъ въ Финляндію, или былъ переданъ туда для сужденія.

Послѣдняя группа измѣненій, вытекающая изъ той же необходимости равной охраны интересовъ Россіи и Финляндіи, относится къ преступленіямъ государственнымъ. Въ семъ отношеніи подготовительная коммиссія въ своемъ докладѣ останавливалась на слѣдующихъ соображеніяхъ.

«Преступленіями государственными именуются посягательства, направленныя противъ основныхъ элементовъ государственнаго строя, коими являются: Особа Монарха, Его державныя права, установленный въ Государствѣ образъ правленія и государственная территорія. Направленныя противъ сихъ основъ посягательства должны быть однородны, въ своемъ объемѣ и признакахъ преступности, на пространствѣ всей государственной территоріи. Примѣняя это начало къ вопросу объ отвѣтственности за государственныя преступленія въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, слѣдуетъ признать, что опредѣленіе объема и состава таковыхъ посягательствъ въ мѣстныхъ карательныхъ узаконеніяхъ означеннаго края должно быть одинаково съ тѣмъ, которое установлено для Россійскаго Государства общимъ онаго уголовнымъ законодательствомъ. Сколько-нибудь существенное въ семъ отношеніи различіе нарушало бы органическую связь Россійской Имперіи съ Финляндіею, ихъ государственное единство. Сообразно этому, какъ въ уголовномъ законодательствѣ Имперіи, такъ и въ уголовныхъ узаконеніяхъ Великаго Княжества, подъ преступленіемъ государственнымъ должно быть разумѣемо посягательство, направленное противъ Особы Государя Императора, Его державныхъ правъ, противъ установленнаго въ Россіи образа правленія, объемлющаго, какъ

составную часть, и опредѣленный державною волею Россійскихъ Монарховъ порядокъ верховнаго управленія Великимъ Княжествомъ, и, наконецъ, противъ территоріальной неприкосновенности всѣхъ частей Россіи, въ томъ числѣ и Финляндіи. Такое соотвѣтствіе между постановленіями уголовнаго законодательства Имперіи и мѣстныхъ узаконеній Финляндіи относительно объема и состава государственныхъ преступленій вызываетъ необходимость соблюденія, по возможности, единства въ отношеніи назначаемыхъ за оныя карательныхъ мѣръ.

«Въ виду этихъ соображеній для устраненія различія между общимъ уложеніемъ о наказаніяхъ и мѣстнымъ финляндскимъ уголовнымъ кодексомъ, представлялось возможнымъ поступить двоякимъ образомъ: или 1) установить въ финляндскомъ кодексѣ общую ссылку на отвѣтственность за государственныя преступленія по уложенію о наказаніяхъ, или же 2) привести правила сего кодекса относительно этихъ преступленій въ соотвѣтствіе съ постановленіями уложенія.

«Относительно перваго изъ этихъ способовъ разрѣшенія настоящаго вопроса коммиссія не могла не принять въ особое соображеніе, что въ настоящее время, въ исполненіе Высочайшей на то воли, производится пересмотръ уголовныхъ законовъ Имперіи, значительно уже подвинутый впередъ, и что, слѣдовательно, взамѣнъ дѣйствующаго нынѣ Уложенія о наказаніяхъ, признаннаго, по особенностямъ его изложенія и крайней его казуистичности, значительно устарѣлымъ, имѣетъ быть издано новое уголовное уложеніе. Независимо отъ сего, полное нынѣ же сліяніе карательныхъ постановленій Имперіи и Великаго Княжества о государственныхъ преступленіяхъ не соотвѣтствовало бы, повидимому, и существу Высочайше возложенной на особую коммиссію задачи— составленія предположеній о необходимыхъ измѣненіяхъ во вновь изданныхъ для Финляндіи уголовныхъ законахъ; сверхъ того, оно привело бы или къ новому несогласованію содержащихся въ финляндскомъ уложеніи правилъ по государственнымъ преступленіямъ съ тѣми основаніями отвѣтственности, кои усвоены какъ для этихъ преступленій, такъ равно и для всѣхъ уголовно наказуемыхъ дѣяній вообще законодательствомъ Имперіи, или же вызвало бы необходимость пересмотра другихъ постановленій финляндскаго кодекса, относящихся до порядка примѣненія уголовной репрессіи

вообще и не затрогивающихъ отнюдь государственныхъ собственно интересовъ Россіи. Въ семъ отношеніи нельзя, по мнѣнію коммиссіи, не отмѣтить той особенности финляндскаго кодекса, что оному вовсе неизвѣстно принятое въ дѣйствующихъ законахъ Имперіи начало смягченія судебною властью опредѣленнаго по закону наказанія на одну или двѣ степени съ видоизмѣненіемъ, притомъ, иногда и самаго рода присуждаемой кары. Вслѣдствіе сего внесеніе въ финляндское уложеніе ссылочнаго правила о наказуемости всѣхъ вообще государственныхъ преступленій по уложенію о наказаніяхъ было бы равносильно опредѣленію за эти посягательства въ Финляндіи отвѣтственности, значительно болѣе суровой при примѣненіи закона въ судебной практикѣ» [1]).

Поэтому было принято другое начало, а именно возможное согласованіе постановленій финляндскаго уложенія съ соотвѣтственными правилами уложенія Имперіи, съ принятіемъ во вниманіе и особенной лѣстницы наказаній финляндскаго кодекса.

Въ виду этого указано измѣненіе опредѣлительной части постановленій главы XI-й, въ особенности п. 2 § 2, имѣющаго въ виду наказуемость посягательствъ на территоріальную неприкосновенность Россіи, и п. 3-го, говорящаго о посягательствахъ на основы государственнаго строя Россіи и Финляндіи, а затѣмъ предположено нѣкоторое усиленіе наказуемости, какъ по этой главѣ, такъ и по главѣ XIII-й, относящейся къ посягательствамъ на членовъ царствующаго дома. Между прочимъ, указано устранить допускаемое по § 3 главы XIII-й за непосредственное насиліе надъ членами Императорскаго дома—простое тюремное заключеніе, а равно и допущенное по § 6 главы XI-й лишь условное назначеніе лишенія довѣрія согражданъ даже за тягчайшія государственныя преступленія, такъ какъ оказывалось, по нынѣшнему тексту, что, напр., убійца частнаго лица по § 1 главы XXI-й безусловно лишался довѣрія согражданъ, а покушавшійся на жизнь Монарха или учинившій даже наиболѣе тяжкій случай государственной измѣны (по § 9 главы XII) могъ сохранить довѣріе своихъ согражданъ и всѣ права служебныя, если только судъ нашелъ бы, что «въ свой-

---

[1]) Подробныя объясненія нѣкоторыхъ различій въ наказуемости государственныхъ преступленій между кодексами В. К. Финляндіи и Имперіи даны также въ статьѣ Я. Форсмана «по поводу нареканій на финляндское уголовное уложеніе».

ствахъ преступленія не заключается повода» лишить такое лицо довѣрія финляндцевъ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣщаніе нашло необходимымъ озаботиться и въ будущемъ о возможно большемъ согласованіи мѣстнаго уложенія съ законами Имперіи относительно сихъ преступленій, которыя по самой природѣ своей должны быть однородны на всемъ пространствѣ Имперіи. Соотвѣтственно сему въ журналѣ Совѣщанія предположено поручить министру юстиціи при изданіи въ Имперіи уголовныхъ законовъ объ отвѣтственности за преступленія государственныя входить въ сношеніе съ статсъ-секретаремъ Финляндіи для установленія соотвѣтствующихъ симъ законамъ правилъ и для Финляндіи.

V.

Послѣдняя группа неудобствъ, вызывавшихся введеніемъ финляндскаго уложенія—заключалась въ отмѣнѣ имъ дѣйствія нѣкоторыхъ спеціальныхъ законоположеній, воспріявшихъ обязательную силу, какъ въ Имперіи, такъ и въ В. Княжествѣ, а именно закона (или, какъ называютъ его финляндцы, опредѣленія) 1826 года. Это положеніе высказано не въ самомъ уложеніи, а въ дополнительномъ къ нему узаконеніи, коимъ постановляется, что законоположеніе 1826 года, остается въ силѣ лишь въ томъ, что не измѣнено или не отмѣнено новымъ общимъ законоположеніемъ. Между тѣмъ, если принять во вниманіе указанныя выше постановленія новаго уложенія о распространеніи его дѣйствія на преступленія, учиненныя *внѣ края* (включая сюда и Имперію), то имъ, въ сущности, отмѣнялся весь законъ, что, конечно, какъ указывалъ я еще въ 1886 г. въ замѣткахъ, сообщенныхъ бывшему статсъ-секретарю барону Ф. А. Бруну, совершенно не соотвѣтствовало нашимъ основнымъ законамъ. Законамъ мѣстнымъ не присуща сила отмѣны законовъ общихъ, ибо, согласно 73 статьѣ нашихъ законовъ основныхъ, «законъ общій и всенародно объяв-

[1]) Сенаторъ Монтгомери, стр. 20, находитъ совершенно немыслимымъ, чтобы лицо судейскаго званія вывело такое невозможное заключеніе изъ § 6, главы XI; но, сознаюсь, я не вижу здѣсь ничего невозможнаго: законъ предоставляетъ *вполнѣ* усмотрѣнію судьи назначеніе таковыхъ послѣдствій и судъ можетъ сослаться, напр., на патріотическія побужденія, какъ на основаніе къ снисхожденію; особенно такое предположеніе представляется возможнымъ, если мы вспомнимъ, что указанное правило относилось и къ случаямъ бунта, и къ измѣнѣ.

ленный отмѣняется не иначе, какъ таковымъ же общимъ законамъ». А таковъ законъ 1826 г., имѣющій двустороннее значеніе и для В. Княжества и для Имперіи, причемъ въ Имперіи онъ былъ обнародованъ общимъ государственнымъ порядкомъ.

Прдставители Финляндіи объясняютъ, правда, что такой отмѣны закона 1826 г. вовсе не предполагалось, что объ этомъ даже думали упомянуть въ текстѣ уложенія [1]), но не надо забывать, что съ изданіемъ дополнительнаго къ уложенію опредѣленія обязательную силу имѣло бы только это опредѣленіе, а не тѣ предположенія и мысли, которыя не нашли никакого въ немъ выраженія.

Это недоразумѣніе устранено самимъ Высочайшимъ Манифестомъ, по силѣ коего постановленіе 1826 г. сохраняетъ свою силу и по введеніи въ Финляндіи новаго уголовнаго уложенія.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось очевиднымъ, что самъ законъ 1826 г., въ виду уже времени его изданія, представляется нѣсколько устарѣлымъ и недостаточно полнымъ; въ немъ не содержится, напр., правилъ о порядкѣ отвѣтственности нѣкоторыхъ лицъ должностныхъ, состоящихъ на службѣ Имперіи, но находящихся въ В. Княжествѣ (ст. 1074[1] уст. уг. суд.); въ немъ совсѣмъ не разработанъ вопросъ о порядкѣ разрѣшенія пререканій, могущихъ возникнуть между судами Имперіи и В. Княжества, о порядкѣ исполненія приговоровъ и т. д. Даже болѣе, столь важное постановленіе, содержащееся въ ст. 216 уст. уг. суд., на основаніи коего судебныя мѣста Имперіи и В. Княжества при постановленіи приговоровъ должны принимать въ соображеніе права и преимущества, коими подсудимые пользуются въ своемъ краѣ, оказывается неимѣющимъ и до нынѣ соотвѣтственнаго постановленія въ финляндскихъ законахъ.

Въ этомъ отношеніи, во 1-хъ, манифестомъ уже указано, что финляндскія присутственныя мѣста и должностныя лица Финляндіи, при постановленіи и исполненіи приговоровъ о жителяхъ Имперіи, должны принимать въ соображеніе права и преимущества,

[1]) Изъ сообщеннаго въ засѣданіи коммиссіи прокуроромъ Финляндскаго Сената извлеченія изъ заключенія коммиссіи сейма 1888 г. видно, что предполагалось упомянуть въ законѣ, что постановленіе отъ 2 іюня 1826 г. *о порядкѣ судимости* жителей края и жителей Имперіи по мѣсту совершенія преступленія остается въ силѣ, но потомъ это предположеніе было оставлено въ томъ соображеніи, что постановленіе 1826 г. состоялось въ административномъ порядкѣ.

коими они пользуются по законамъ Имперіи; во 2-хъ, въ числѣ мѣръ, указанныхъ Совѣщаніемъ и утвержденныхъ Государемъ Императоромъ, опредѣлено образованіе особой коммиссіи для пересмотра дѣйствующихъ узаконеній о производствѣ дѣлъ по преступнымъ дѣяніямъ, учиненнымъ въ Имперіи жителями Финляндіи и въ семъ краѣ жителями Имперіи.

VI.

Но независимо отъ неудобствъ, заключающихся въ содержаніи постановленій новаго финляндскаго уложенія, его русскій текстъ страдаетъ, если можно такъ выразиться, крайнею неряшливостью изложенія. Невозможное грамматическое построеніе, несвойственные русскому языку обороты встрѣчаются буквально въ каждой статьѣ, придавая нѣкоторымъ постановленіямъ комическій характеръ. Примѣры такихъ выраженій были уже приведены въ Юридической Лѣтописи (1890, т. II, стр. 39 и сл.) и, избѣгая повтореній, я укажу только нѣкоторыя. Такъ въ финляндскомъ уложеніи мы читаемъ: «при превращеніи денежнаго взысканія въ тюремное заключеніе», «приговоръ о недостоинствѣ», «подверженіе доказательно домашнему тѣлесному наказанію», «кто учинилъ для отраженія нападенія неизбѣжное дѣяніе, то онъ не присуждается къ наказанію за необходимую оборону», «если была въ наличіи удручающая бѣда или опасность», «совершено ли преступленіе умышленно или произошло по винѣ», «кто будетъ способствовать неправильному исходу голосованія или выбора или невозможности довнать сіе», «брачный уговоръ», «не заявилъ дѣла къ судебному преслѣдованію, «опасный для жизни ударяющій предметъ», «опознавательный предметъ», «подвергшійся наказанію за взломъ, грабежъ или вымогательство, наказывается, за совершеніе потомъ покражи, какъ за возвратъ къ воровству» и т. д.

Но, помимо неточностей и неправильностей, въ русскомъ текстѣ оказался недостатокъ еще болѣе значительный. По сличеніи въ коммиссіи русскаго текста съ шведскимъ, въ немъ оказались прямыя невѣрности и притомъ въ значительномъ числѣ. Достаточно сказать, что въ докладѣ коммиссіи указано 62 неясно или невѣрно изложенныхъ параграфовъ и это указаніе только примѣрное, а не исчерпывающее. Нѣкоторыя изъ этихъ ошибокъ

представляются притомъ весьма существенными, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ. Такъ, въ § 2 главы 2-й указано, что заключеніе въ смирительномъ домѣ «назначается не менѣе 6 мѣсяцевъ и не свыше двѣнадцати» (вмѣсто 12 лѣтъ); въ цѣломъ рядѣ статей вмѣсто «заключенія въ смирительномъ домѣ», употреблено выраженіе «заключеніе въ карательное заведеніе» (глава 2-я, § 14, глава 3-я, §§ 2 и др.); въ § 3 главы 3-й сказано «слабоумный» вмѣсто «умалишеннаго»; въ главѣ 16 § 1 пропущено слово «стража», въ § 11 сказано «если такое лицо было виновникомъ побѣга арестанта» вмѣсто «неумышленнаго упуска арестантовъ»; въ § 14 «закладъ» вмѣсто «обезпеченія»: въ § 1 главы 19 сказано «женатымъ» вмѣсто «неженатымъ»; въ главѣ 21 оказались совершенно невѣрно изложенными §§ 9, 11, 12, 14; въ главѣ 32 § 2 сказано «при особенно смягчающихъ» вмѣсто «особенно отягчающихъ»; въ главѣ 34 совершенно невѣрно изложены §§ 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 20, 21, причемъ при нынѣшнемъ текстѣ оказывается, что, напр., виновный въ причиненіи наводненія или «опасности при употребленіи желѣзной дороги» наказывается штрафомъ не менѣе 50 марокъ или тюрьмою не свыше 1 года, что тому же наказанію подлежитъ тотъ, по чьей винѣ судно потонуло, сѣло на мель или выброшено на берегъ, между тѣмъ какъ въ шведскомъ текстѣ говорится объ учиненіи всѣхъ этихъ дѣяній по неосторожности и т. д.

Эта непростительная неряшливость русскаго текста становится еще болѣе поразительною, если сравнить этотъ текстъ съ появившимся почти одновременно съ нимъ французскимъ переводомъ уложенія, изложеннымъ вполнѣ правильнымъ и понятнымъ языкомъ, такъ что, напр., мнѣ, какъ незнающему шведскаго языка, приходилось нерѣдко прибѣгать къ французскому переводу для того, чтобы понять русскій текстъ финляндскаго уложенія [1]). Между тѣмъ русское изложеніе не есть простой переводъ, а текстъ за-

[1]) Нельзя не замѣтить, что при сличеніи и этого перевода съ шведскимъ текстомъ и въ немъ оказались нѣкоторыя неточности, такъ, напр., оказался невѣрно переданнымъ § 1 главы 3; такъ во французскомъ переводѣ вовсе не указано, что дѣти до 16 лѣтъ могутъ быть подвергнуты тѣлесному наказанію домашнему или, если домашніе этого не выполнятъ, черезъ исполнительную власть, т. е. по-просту въ полиціи. Впрочемъ, и сенаторъ Монтгомери въ своихъ возраженіяхъ говоритъ, что малолѣтніе могутъ быть присуждены къ такой отвѣтственности лишь въ томъ случаѣ, если незаконный ихъ поступокъ обнаруживаетъ порочныя наклонности, хотя въ законѣ этого условія вовсе не усматривается.

кона. Правда, по существующему порядку изданія финляндскихъ законовъ, первоначально составляется шведскій текстъ, съ него дѣлается при Гельсингфорскомъ сенатѣ русскій переводъ, который провѣряется и исправляется въ статсъ-секретаріатѣ, и затѣмъ русскій же текстъ закона подносится на Высочайшее утвержденіе. Получивъ таковое, русскій текстъ юридически становится не переводомъ, а именно текстомъ закона, вполнѣ равнозначительнымъ съ шведскимъ или финскимъ текстомъ. Въ виду всего вышеизложеннаго не долженъ ли возникнуть у каждаго русскаго естественный вопросъ: какъ же могло случиться, что на усмотрѣніе и даже утвержденіе Государя Императора поднесенъ текстъ закона, пригодный не для примѣненія въ судѣ, не для руководства гражданъ, а развѣ для сопоставленія съ разными курьезами по ихъ русскому языку надписями и объявленіями, встрѣчавшимися за послѣднее время въ городахъ Остзейскаго края?

Какъ не сказать, что одно такое изложеніе русскаго текста уложенія, столь оскорбительное для государственнаго достоинства Россіи, само по себѣ представляло уже вполнѣ достаточное основаніе для пріостановленія введенія въ дѣйствіе уложенія.

Въ этомъ отношеніи въ журналѣ Особаго Совѣщанія, удостоившемся одобренія Государя Императора, предположено предоставить статсъ-секретарю Финляндіи подвергнуть пересмотру русскій текстъ новаго финляндскаго уложенія и предположенія свои по сему предмету представить на Высочайшее утвержденіе.

VII.

Все изложенное, думаю, съ очевидностью подтверждаетъ сдѣланное въ началѣ статьи указаніе на государственную важность манифеста $^{1}/_{13}$ декабря 1890 года. Но его значеніе, какъ я полагаю, далеко не исчерпывается уложеніемъ, его вызвавшимъ: въ немъ лежитъ указаніе для будущаго, для тѣхъ законодательныхъ работъ, которыя нынѣ предприняты, а въ особенности для кодификаціи основныхъ законовъ Финляндіи, касающихся ихъ «формы правленія» и сословныхъ привилегій.

Державная воля Монарха остановила введеніе въ дѣйствіе уже опубликованнаго уложенія, какъ только оказалось, что это введеніе нарушаетъ государственные интересы и достоинство Россіи. Рус-

скій народъ имѣетъ твердое основаніе вѣрить и надѣяться, что та же державная рука остановитъ и въ будущемъ всякое подобное посягательство на интересы государства: совершившееся да будетъ наставленіемъ для будущаго.

Но этотъ урокъ не заставляетъ ли всѣхъ насъ, съ финскими согражданами включительно, серьезно вдуматься въ условія и свойства настоящаго событія.

Какъ ни важна была работа коммиссіи и Особаго Совѣщанія по пересмотру финляндскаго уложенія, но все же она имѣла характеръ, позволю себѣ такъ выразиться, штопанья хотя и новаго, но оказавшагося дырявымъ платья и притомъ штопанья наиболѣе бьющихъ въ глаза прорѣхъ. Къ этой ограниченной роли комиссія и Совѣщаніе вынуждались прежде всего тѣмъ, что они имѣли дѣло съ закономъ, составленнымъ и опубликованнымъ съ соблюденіемъ установленныхъ формъ; что на нихъ возложено было только устраненіе неудобствъ и затрудненій, которыя могло вызвать введеніе въ дѣйствіе уложенія; что это устраненіе могло быть выполнено только соотвѣтственно съ дѣйствующимъ нашимъ уложеніемъ, которое уже самою Верховною властью признано требующимъ исправленія и улучшенія. Даже въ тѣсной области преступленій, касающихся государственныхъ интересовъ, коммиссія не сочла себя въ правѣ коснуться нѣкоторыхъ постановленій, относящихся, напр., къ недонесенію и укрывательству о таковыхъ преступленіяхъ, въ томъ соображеніи, что и постановленія нашего дѣйствующаго права по симъ вопросамъ оказываются несоотвѣтствующими требованіямъ жизни, и, конечно, еще болѣе подобныхъ же примѣровъ можно отыскать по отношенію къ другимъ преступленіямъ публичнаго характера, въ постановленіяхъ, напр., о преступныхъ скопищахъ и т. п. По отношенію къ постановленіямъ о преступленіяхъ государственныхъ эта неполнота настоящаго труда восполняется тѣмъ указаніемъ, что новыя постановленія Имперіи о сихъ преступленіяхъ будутъ предлагаемы сейму чрезъ-статсъ-секретаріатъ на предметъ согласованія съ ними постановленій мѣстныхъ. А будутъ ли своевременно согласовываемы финляндскіе законы съ прочими русскими уголовными узаконеніями и вообще съ нашимъ новымъ уголовнымъ кодексомъ?—Существованіе мѣстнаго автономнаго законодательства не допускаетъ возможности механическаго перенесенія закона; различіе въ культурѣ, нравахъ, обычаяхъ оправдываетъ

особенности въ постановленіяхъ, относящихся къ этимъ разнствующимъ интересамъ; но затѣмъ остается еще обширное поле постановленій общихъ, въ которыхъ желательно и необходимо не только сходство, но и тождество мѣстныхъ и общихъ законовъ. Нельзя не памятовать тотъ историческій фактъ, что первымъ законодательнымъ актомъ *возсоединенной* (а не единой) германской имперіи, составившейся изъ *самостоятельныхъ* государствъ, подъ однимъ общимъ главенствомъ, государствъ также разнствующихъ и религіею и нравами, было изданіе *единаго* уголовнаго кодекса.

Въ государственномъ, какъ и во всякомъ организмѣ, гораздо важнѣе возможное предупрежденіе болѣзненныхъ явленій, чѣмъ хирургическое или терапевтическое леченіе уже созрѣвшихъ язвъ; пріостановленіе введенія въ дѣйствіе опубликованнаго закона вслѣдствіе замѣченныхъ въ немъ коренныхъ недостатковъ, есть такое врачующее средство, къ которому желательно прибѣгать только въ какихъ-либо чрезвычайныхъ случаяхъ.

Не необходимѣе-ли устранить тѣ причины и видоизмѣнить тѣ условія, благодаря коимъ оказалось возможнымъ, что отъ имени Государя Императора былъ предложенъ сейму законопроектъ, болѣе согласованный съ германскими, чѣмъ съ русскими законами, что на Высочайшее утвержденіе былъ представленъ малопонятный текстъ закона, текстъ, не соотвѣтствующій тому тексту, который разсматривался сеймомъ и кототорымъ въ дѣйствительности должны будутъ руководствоваться финляндскіе суды?

Очевидно, что причину такого явленія нужно прежде всего искать въ какомъ-либо крупномъ недостаткѣ порядка составленія законопроектовъ В. Княжества. По существующимъ нынѣ правиламъ проекты законовъ, предлагаемыхъ сейму по инціативѣ Его Величества, вырабатываются въ особой постоянной коммиссіи, состоящей при финляндскомъ сенатѣ. Окончательно таковые проекты изготовляются въ общемъ сената собраніи, затѣмъ проектъ обращается въ статсъ-секретаріатъ и представляется на разсмотрѣніе Государя Императора, отъ имени коего и предлагается сейму. Далѣе, законопроектъ, предложенный сейму отъ имени Императора и Великаго Князя. а равно и проекты, выработанные (послѣ закона 1886 г.) по инціативѣ сейма, если оные будутъ приняты сеймомъ, снова поступаютъ на разсмотрѣніе сената, а изъ него въ статсъ-секретаріатъ, и статсъ-секретаремъ подносятся на Высочайшее утвержденіе.

Такимъ образомъ, факторами, участвующими въ подготовленіи и обсужденіи законовъ, а потому и вліяющими на его содержаніе, являются: сенатъ, сеймъ и статсъ секретаріатъ, а иногда комитетъ для финляндскихъ дѣлъ при статсъ-секретаріатѣ, образованный по закону 1857 г. для разсмотрѣнія дѣлъ, вносимыхъ на его обсужденіе по особому Высочайшему повелѣнію.

При этомъ порядкѣ представительство интересовъ Финляндіи при изготовленіи законопроектовъ является вполнѣ обезпеченнымъ; но кто же изъ этихъ факторовъ можетъ охранять интересы Имперіи, если таковые затрогиваются такъ или иначе вновь вводимыми мѣстными узаконеніями? Сенатъ и сеймъ едва-ли могутъ быть органами такой охраны, состоя исключительно изъ уроженцевъ края. Остается, слѣдовательно, статсъ-секретаріатъ. Онъ является какъ бы органомъ, связующимъ В. Княжество и Имперію; но однако и на него по акту его учрежденія не возложена, да при условіяхъ его устройства и не могла быть возложена, обязанность охраны общегосударственныхъ интересовъ въ случаѣ какого-либо столкновенія ихъ въ вопросахъ законодательства съ интересами края. Правда, что законъ $^{17}/_{29}$ марта 1826 года, упразднившій коммиссію финляндскихъ дѣлъ, не повторяетъ § 8 закона 1811 года, по коему статсъ-секретарь долженъ былъ быть опредѣляемъ изъ обывателей Финляндіи, но обыкновенно, со времени назначенія статсъ-секретаремъ графа Ребиндера, это условіе соблюдалось и послѣ 1826 г. [1]) Съ другой стороны, по закону, статсъ-секретаремъ можетъ быть назначено и лицо, незнакомое съ законами, а въ особенности съ законами Имперіи, лицо, не обладающее ни юридическимъ образованіемъ, ни юридическою подготовкою. Въ интересахъ Финляндіи это обстоятельство вызвало образованіе въ 1857 г. при статсъ-секретаріатѣ комитета изъ лицъ, свѣдущихъ въ законахъ и въ административномъ и хозяйственномъ управленіи края; изъ сихъ лицъ лишь одно назначается по Высочайшему усмотрѣнію, а два другія (четвертымъ членомъ является товарищъ статсъ-секретаря, а предсѣдателемъ статсъ-секретарь)—изъ высшихъ *должностныхъ лицъ края*, теперь обыкновенно изъ сенаторовъ обоихъ департаментовъ (Mechelin S. 273); но относительно охраны интересовъ

[1]) Финляндцы, впрочемъ, признаютъ, что статсъ-секретари *должны быть* урожденными финляндскими людьми, основываясь на 10 ст. формы правленія 1772 г. и забывая даже 1 ст. акта 1789 года.

Имперіи по вопросамъ законодательнымъ не существуетъ даже той мѣры, которая была принята закономъ 1834 г. относительно важнѣйшихъ дѣлъ по управленію краемъ. По этому закону, вошедшему въ учрежденіе комитета министровъ (ст. 27 по изд. 1886 г.), въ комитетъ поступаютъ записки финляндскаго генералъ-губернатора, съ его замѣчаніями, по дѣламъ, имѣющимъ близкое отношеніе къ учрежденіямъ Имперіи и В. Княжества, если только генералъ-губернаторъ признаетъ это нужнымъ и когда по онымъ не требуется измѣненія дѣйствующихъ въ Финляндіи узаконеній. Правда, что при разсмотрѣніи этихъ вопросовъ комитетъ оригинальнымъ образомъ ограниченъ тѣмъ (ст. 46), что его положенія могутъ быть основаны относительно Финляндіи на соображеніи только тѣхъ законовъ и обстоятельствъ, которые приведены въ запискѣ, но все-таки, по закону, хоть какой-нибудь контроль и участіе нашихъ правительственныхъ по предмету управленія краемъ учрежденій да существуетъ, а въ области законодательной интересы Имперіи охраняются только крайне неясными постановленіями § 14 закона 17 марта 1826 г., въ силу которыхъ, по предмету всѣхъ состоявшихся или послѣдующихъ въ Имперіи общихъ распоряженій и постановленій, кои могутъ относиться и до В. К. Финляндіи, статсъ-секретарь сносится съ состоящими въ Имперіи министерствами и правительственными мѣстами.

Такимъ образомъ, представляется настоятельно необходимою соотвѣтственная реформа въ этомъ отношеніи; необходимо созданіе такого порядка предварительнаго разсмотрѣнія законопроектовъ, при которомъ бы, въ силу закона, могли принимать участіе, въ той или другой формѣ, соотвѣтственныя учрежденія Имперіи.

Но такое преобразованіе, чтобы быть прочнымъ и имѣть подъ собою твердую почву, требуетъ, казалось бы, прежде всего выясненія и опредѣленія въ законѣ основъ государственнаго отношенія Россійской Имперіи и В. Княжества. Думается, что нынѣ окончательно настало время сдѣлать провѣренный сводъ государственныхъ постановленій В. Княжества, какъ унаслѣдованныхъ еще изъ шведскихъ законодательныхъ актовъ, такъ и установленныхъ позднѣйшими узаконеніями безсеймовой эпохи (1809—1863 гг.) и настоящаго времени; что необходимо опредѣлительно выяснить, какія изъ этихъ постановленій сохраняютъ свою силу, какія утратили таковую въ силу акта присоединенія Финляндіи къ Россіи и включе-

нія ея въ составъ государства Россійскаго. Настоятельность этой кодификаціи вызывается необходимостью разсѣять тотъ туманъ, который все гуще и гуще окутываетъ событія эпохи присоединенія Финляндіи, угрожая изгладить ихъ характеристическіе признаки.

Финляндскіе публицисты и юристы за послѣднее время съ рѣдкимъ единодушіемъ въ сочиненіяхъ, брошюрахъ, статьяхъ выставляютъ, какъ незыблемое положеніе, что основаніе государственнаго отношенія Россійской Имперіи и В. К. Финляндіи есть *актъ соединенія*, свободнаго соглашенія, состоявшагося на боргоскомъ сеймѣ, и что естественнымъ послѣдствіемъ этого акта соединенія является реальная унія, составляющая юридическую характеристику государственнаго положенія В. К. Финляндіи [1]). Нужно надѣяться, что кодификація государственныхъ законовъ Финляндіи прежде всего устранитъ это историческое недоразумѣніе и твердо установитъ, что основою нашихъ государственныхъ отношеній къ Финляндіи служитъ *актъ присоединенія*, имѣвшій своимъ послѣдствіемъ, выражаясь словами манифеста Императора Александра I отъ 5 іюня 1808 г., воспріятіе навсегда обывателями Финляндіи своего мѣста «въ чредѣ народовъ, скипетру Россійскому подвластныхъ и *единую имперію составляющихъ*»; что такимъ образомъ Финляндія, какъ выразилось въ своемъ журналѣ Особое Совѣщаніе, есть нераздѣльная часть единаго Россійскаго государства, пользующаяся самостоятельнымъ управленіемъ *лишь* по внутреннимъ своимъ дѣламъ и имѣющая особое, только въ отношеніи сихъ дѣлъ, мѣстное законодательство.

Въ самомъ дѣлѣ, Финляндія во время ея присоединенія къ Россіи не имѣла даже тѣхъ признаковъ самостоятельности, которыми она обладаетъ нынѣ: ея высшее и законодательное, и административное управленіе находилось за предѣлами В. Княжества; она была частью шведскаго королевства. Съ Швеціей велась война

---

[1]) Какъ говоритъ Мехелинъ (Marquardsen's Handbuch, стр. 340) изъ всего изложенія государственнаго положенія Финляндіи слѣдуетъ: «что соединеніе В. Княжескаго трона Финляндіи съ Императорскимъ тономъ, т. е. *юридическое единство Особы монарха обоихъ государствъ* нерасторжимо;..... что Финляндія составляетъ соединенную съ Россіею, въ государственномъ отношеніи съ Имперіею сопряженную (koordinirte), конституціонную монархію, и что это соединеніе Россіи и Финляндіи соотвѣтствуетъ понятію реальнаго соединенія». См. разборъ этого мнѣнія въ прекрасной статьѣ проф. Н. Коркунова, Финляндское Великое Княжество, Юрид. Лѣтопись 1890 г. Апрѣль.

*

1808—1809 гг. и притомъ съ прямо заявленною цѣлью присоединенія всей Финляндіи къ Россіи.

Финляндцы участвовали въ этой войнѣ какъ подданные Швеціи и притомъ не только въ регулярной арміи, но и въ партизанскихъ отрядахъ, съ настойчивостью отстаивая шведскіе интересы. Никакого событія, указывающаго на низверженіе жителями В. Княжества шведской власти въ Финляндіи до присоединенія ея къ Россіи, исторія не знаетъ. Финляндія была и оставалась юридически провинціей Швеціи до фридрихсгамскаго мира. Ни присяга, которую повелѣно было принять отъ обывателей, въ странѣ оружіемъ покоренной и отнынѣ навсегда къ Россіи присоединенной (маниф. 20 марта 1808 г.), присяга, приносимая лишь въ мѣстностяхъ, занятыхъ русскими войсками, и которую финляндскіе же историки (Даніельсонъ, стр. 59) считаютъ безусловно вынужденною; ни тѣмъ болѣе, послѣдовавшая затѣмъ, также вынужденная поѣздка депутатовъ въ Петербургъ для представленія Императору мнѣній и соображеній о нуждахъ края; ни, наконецъ, созывъ боргоскаго сейма, церемоніалы его открытія и закрытія не могутъ почитаться актами юридическаго возсоединенія Финляндіи съ Россіею [1]). Война еще продолжалась, перемѣнчивое счастье могло склонить побѣду на другую сторону, и тогда значеніе и присяги, и депутаціи, и сейма свелось бы къ нулю.

Финляндцы, сражавшіеся въ шведскихъ войскахъ, не переставали быть шведскими вѣрноподданными и послѣ того, когда въ исполненіе церемоніала 17 (29) марта герольдъ въ Борго торжественно провозгласилъ Императора Александра I-го Великимъ Княземъ Финляндіи; они не дѣлались чрезъ это измѣнниками, поднявшими оружіе противъ отечества. Юридическое значеніе присяги финляндцевъ вполнѣ вѣрно было опредѣлено маститымъ Калоніусомъ, имѣв-

[1]) Нельзя забывать, что земскіе чины собрались въ Борго не по ихъ иниціативѣ и не для рѣшенія вопроса объ участи страны, объ отпаденіи отъ Швеціи и о присоединеніи къ Россіи. Напротивъ того, они были собраны исключительно по волѣ Монарха-завоевателя, торжественно заявившаго сейму (рѣчь Императора Александра I-го при открытіи сейма въ Борго), что *Онъ пожелалъ* видѣть представителей страны, собранными вокругъ Него; что Онъ *пожелалъ* ихъ видѣть для того, чтобы дать новое доказательство Его благихъ намѣреній относительно ихъ отечества... «*Я вамъ сообщу*, выражено далѣе въ Высочайшей рѣчи, *Мои предположенія о предметахъ вашихъ занятій* (sur les objets de votre assemblée)». И въ этомъ проявленіи воли полновластнаго Монарха, въ этомъ призывѣ лицъ, кои почитались имъ какъ бы уже вошедшими въ подданство, пытаются усмотрѣть актъ соглашенія двухъ самостоятельныхъ державъ!!

шимъ мужество, въ качествѣ ректора университета въ Або, уже занятаго русскими войсками, и уже послѣ дачи присяги на вѣрность большинствомъ мѣстныхъ жителей (Даніельсонъ, 63) сказать: пока исходъ войны еще не извѣстенъ и пока не состоялся договоръ, въ которомъ правитель самъ отказывается отъ своихъ правъ, подданный не можетъ по благоусмотрѣнію отказаться отъ долга вѣрноподданства и разорвать узы, связующія его и отечество, если онъ не хочетъ запятнать себя преступленіемъ измѣны.

Фактическое основаніе присоединенія Финляндіи—это успѣхи русскаго оружія, это кровь русскаго народа, много вѣковъ заливавшая финляндскую землю [1]), а юридическое—тотъ договоръ, которымъ „правитель“ отказывался отъ своихъ правъ на Финляндію, тотъ фридрихсгамскій договоръ, 5 сент. 1809 г., въ IV статьѣ коего сказано: что король шведскій за себя и за своихъ преемниковъ отказывается неотмѣняемо и навсегда отъ *губерній нижепоименованныхъ* и „губерніи сіи со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежностями, преимуществами, правами и выгодами будутъ отнынѣ состоять въ *собственности и державномъ обладаніи Имперіи россійской* и къ ней навсегда присоединяются“ [2]).

---

[1]) Вспомнимъ, что было всенародно объявлено Императоромъ Александромъ I-мъ въ манифестѣ 1-го октября 1809 г. о заключеніи мира между Россіею и Швеціею: „по слѣдамъ древнихъ побѣдъ, въ странахъ, гдѣ Петръ Великій пріучалъ Россовъ къ воинской славѣ, храброе наше воинство, мужественно подвизаясь, проницая въ мѣста непроходимыя, отъ предѣловъ къ столицѣ нашей близкихъ простерло славу Россійскаго оружія до самыхъ отдаленныхъ странъ сѣвера: покорило Финляндію, завладѣло всѣми ея провинціями, одержало знаменитые острова Аландскіе и объяло Ботническій заливъ, прейдя западную Ботнію, на отдаленныхъ предѣлахъ ея утвердило свое обладаніе. На семъ великомъ пространствѣ всѣ города, порты, укрѣпленія, самыя твердыни Свеаборга пали во власть его“.

[2]) Небезъинтересно то обстоятельство, что баронъ Стединкъ, уполномоченный Швеціи при заключеніи фридрихсгамскаго договора, настойчиво старался включить въ договоръ отдѣльный пунктъ, въ которомъ гарантировались бы Финляндіи сохраненіе ея вѣры, законовъ и привилегій, но канцлеръ Румянцевъ отклонилъ подобное указаніе. Я не хотѣлъ допустить, пишетъ онъ Государю, чтобы подобная статья могла быть поставлена на обсужденіе, опираясь на то, что все въ ней излагаемое *составляетъ предметъ внутренней администраціи* и не должно входить въ дипломатическое обязательство (Ординъ, II, ст. 472). Результатомъ этихъ пререканій и была многознаменательная VI статья договора: поелику Его Величество Императоръ Всероссійскій самыми несомнѣнными опытами милосердія и правосудія ознаменовалъ уже образъ правленія своего жителями пріобрѣтенныхъ имъ нынѣ областей, *обезпечивъ*

Таковы обстоятельства, сопровождавшія присоединеніе Финляндіи къ Россіи. Едва ли возможно сомнѣніе, что основаніе, изъ котораго возникло государственное отношеніе Великаго Княжества и Имперіи, является не „актомъ соединенія", а „актомъ присоединенія". Поэтому дальнѣйшее государственное положеніе обывателей финляндскихъ въ „чредѣ другихъ народовъ Имперіи" не есть необходимое юридическое послѣдствіе акта уніи двухъ, хотя бы и неравносильныхъ, но равносамостоятельныхъ державъ, а послѣдствіе воли и усмотрѣнія державныхъ государей Россіи, воли, закрѣпленной ихъ торжественными обѣщаніями.

Но что же даровали обывателямъ Финляндіи россійскіе Монархи?

Какъ сказано въ манифестѣ $^{15}/_{27}$ марта 1809 г., Императоръ Александръ I *призналъ за благо* вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные отъ мала до велика по конституціямъ ихъ должны пользоваться. Ранѣе въ манифестѣ отъ 5 іюня 1808 г. Императоръ обѣщалъ сверхъ сего обывателямъ Финляндіи, что „подъ сильнымъ щитомъ Россіи, земледѣліе ваше, торговля, промыслы, всѣ источники народнаго богатства и благосостоянія воспріимутъ новую жизнь и расширеніе. Мы познаемъ вскорѣ всѣ ваши нужды и не умедлимъ простереть вамъ руку помощи и облегченія. Оружіе наше оградитъ предѣлы ваши отъ всякаго прикосновенія и отразитъ всѣ покушенія враговъ, если бы когда-либо возмутить спокойствіе ваше они дерзнули".

Эти обѣщанія были даны еще въ то время, когда Императоръ Александръ I не былъ въ строгомъ смыслѣ слова юридическимъ обладателемъ Финляндіи; но, безспорно, что они были подтверждаемы Имъ и впослѣдствіи въ особенности въ манифестѣ $^{15}/_{27}$ марта 1810 г.; что равнымъ образомъ они были повторены и его преемниками, въ удостовѣреніяхъ $^{12}/_{24}$ декабря 1825 г.; 19 февраля (3 марта) 1855 г. и $^{2}/_{14}$ марта 1881 года.

по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущества, то его Шведское Величество тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго впрочемъ долга, чинить о томъ въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія-либо условія. Да и самъ Мехелинъ, Handbuch, стр. 248, говоритъ, что „Императоръ Александръ I-й *учредилъ* (errichtet) въ Финляндіи Велико-Княжескій престолъ, *опредѣлилъ* (bezeichnet) финляндскій народъ какъ націю и призналъ (anerkannt) завоеванную имъ страну государствомъ". Какъ же согласить все это съ теоріею добровольнаго соглашенія.

Русскіе монархи сдержали свои царственныя обѣщанія. Подъ сильнымъ щитомъ Россіи, Финляндія за эти 80 лѣтъ сдѣлала несомнѣнно огромные успѣхи и въ хозяйственномъ, и въ интеллектуальномъ отношеніи, и это весьма понятно.

Переставъ быть многовѣковымъ полемъ раздора сосѣдей, разоряемымъ и выжигаемымъ поочередно то тѣмъ, то другимъ, Финляндія могла посвятить всѣ силы своего трудолюбиваго, умѣреннаго въ привычкахъ и упорнаго въ трудѣ народа на саморазвитіе. Русскія силы оберегали ее отъ враговъ внѣшнихъ, въ составѣ Россіи Финляндія не должна была напрягать платежныя средства народа на самооборону [1]), на поддержаніе вооруженнаго нейтралитета, и ея бюджетъ всецѣло обращался на нужды страны. Въ минуты финансовыхъ и экономическихъ затрудненій финляндцы всегда встрѣчали въ Россіи широкій кредитъ и самую доброжелательную помощь. Россія нынѣ можетъ только радоваться мирному и свободному преуспѣянію края.

Равнымъ образомъ ни въ чемъ не были нарушены обѣщанія, послѣдовательно подтверждаемыя нашими Императорами — ненарушимо хранить религію, коренные законы, права и преимущества сословій Финляндіи и каждаго гражданина въ отдѣльности.

Но очевидно, что это обѣщаніе не могло быть понимаемо въ томъ смыслѣ, чтобы наши Государи обѣщались сохранять на предбудущія времена безъ перемѣны букву всѣхъ шведскихъ постановленій, дѣйствовавшихъ въ моментъ присоединенія Финляндіи къ Россіи. Въ XVIII и началѣ XIX вѣка, подъ вліяніемъ школы естественнаго права, въ законодательную технику проникъ обычай—въ законахъ, особенно сколько-нибудь важныхъ, въ манифестахъ, въ договорахъ, всегда прибавлять, что они пишутся и заключаются на вѣчныя времена, для настоящихъ и грядущихъ поколѣній; но очевидно, что это условіе „вѣчности“ могло быть понимаемо только въ смыслѣ добросовѣстнаго и истиннаго желанія договаривающихся сторонъ или законодателей соблюдать извѣстныя положенія и поддерживать извѣстныя отношенія ненарушимо до тѣхъ поръ, пока измѣнившіяся условія не сдѣлаютъ ихъ поддержаніе невозможнымъ или даже вреднымъ. Законы суть укладъ

[1]) Какъ указываетъ Мехелинъ (Handbuch, стр. 318), число финской активной военной силы въ 1889 г. составляло 5000 человѣкъ пѣхоты, а число резервистовъ было около 19.000 человѣкъ.

народной жизни, и какъ измѣняется народная жизнь, такъ и измѣняется и ея укладъ. Эта измѣнчивость одинаково присуща, какъ второстепеннымъ законамъ управленія, такъ и законамъ кореннымъ, хотя, понятно, что послѣдніе измѣняются несравненно медленнѣе, потому что медленно измѣняются и основы народной жизни.

Измѣнились съ 1809 г. взаимныя отношенія сословій въ Финляндіи, устранены многія притязанія на привилегіи и преимущества отдѣльныхъ сословій и измѣнились законы, ихъ опредѣляющіе. Стоитъ только вспомнить, напр., законы: 2 апрѣля 1864 г. объ измѣненіи порядка владѣнія дворянскими имуществами; 4 ноября 1864 г. объ отмѣнѣ особой подсудности дворянъ; 31 марта 1879 г. объ отмѣнѣ цеховъ и введеніи свободы промысловъ; 6 февраля 1865 г. относительно измѣненія значенія сословныхъ прерогативъ въ устройствѣ земскаго управленія и т. д. Не остался неизмѣненнымъ и самый порядокъ осуществленія политическихъ правъ сословіями Финляндіи, чему наглядымъ доказательствомъ служитъ сеймовый уставъ 1869 г., законъ 1886 г. о расширеніи иниціативы сейма и т. д.

Равнымъ образомъ не можетъ Финляндія вычеркнуть изъ своего законодательства всѣ постановленія періода 1809—1863 г., не можетъ уже и потому, что ей пришлось бы признать незаконно существующимъ правительственный совѣтъ, впослѣдствіи сенатъ Финляндіи, пришлось бы ей начать съизнова устройство своихъ государственныхъ установленій; пришлось бы признать неимѣющими силы цѣлую массу законовъ, относящихся до гражданскаго быта, до порядка финансоваго управленія и т. д. Но если измѣнялись такъ называемые коренные законы Финляндіи, то спрашивается, почему же въ другихъ постановленіяхъ, въ особенности постановленіяхъ, опредѣляющихъ государственное отношеніе Россіи и Финляндіи, всякая буква шведскихъ законовъ является неприкосновенною святынею?

Могутъ сказать, что причина этого весьма проста,—такъ какъ эти отношенія ни въ чемъ не измѣнились и не могли измѣниться съ 1809 г. Конечно, это замѣчаніе вполнѣ справедливо, но еще требуется доказать: соотвѣтствовали-ли эти постановленія въ 1809 г. юридическимъ отношеніямъ Россіи и Финляндіи.

Нельзя же доказывать серьезно, что Императоръ Александръ I и его преемники, обѣщая хранить ненарушимо коренные законы

Финляндіи, утверждали вмѣстѣ съ тѣмъ самую букву формы правленія 1772 г. и акта соглашенія и безопасности 1789 года.

Признаютъ же всѣ публицисты и юристы Финляндіи, что § 1 формы правленія, въ силу коего Монархъ, всѣ особы, при должностяхъ находящіяся, и всѣ подданные должны слѣдовать лютеранской вѣрѣ по Аугсбургскому вѣроисповѣданію; § 2, по коему король долженъ управлять Государствомъ сходственно съ постановленными въ Швеціи законами; § 3, по коему въ отношеніи престолонаслѣдія не должно быть учинено ни малой перемѣны противъ условія 1743 г., соглашенія въ Вестерасѣ 1544 г. и Норкепингскаго договора 1604 г. и др., утратили свою силу только потому, что властителями Финляндіи вмѣсто королей шведскихъ сдѣлались Императоры Всероссійскіе.

Коренные законы шведскаго періода утверждались Императорами во всемъ томъ, что не противорѣчило государственнымъ отношеніямъ Финляндіи и Россіи, но не болѣе.

Мало того, историческія данныя свидѣтельствуютъ, что Императоръ Александръ I-ый, подъ вліяніемъ Спренпортена и друг., предполагалъ одно время образовать изъ Финляндіи самостоятельное государственное цѣлое, находящееся, такъ сказать, подъ русскимъ протекторатомъ, даже имѣющее отдѣльнаго правителя изъ членовъ царствующаго дома (Даніельсонъ, 53); но это предположеніе однако не осуществилось. Финляндія и по предначертаніямъ Императора Александра I-го являлась частью Россіи, имѣющею лишь автономное законодательство и управленіе по дѣламъ края. Но даже и при такомъ устроеніи управленія Финляндіи Императоръ съ первыхъ же шаговъ встрѣтился съ необходимостью сдѣлаться самостоятельнымъ законодателемъ, независимымъ отъ шведскихъ государственныхъ законовъ. Причина этого, какъ признаетъ и проф. Даніельсонъ (стр. 127), заключалась въ томъ, что шведскіе законы содержали опредѣленія, которыя не могли быть примѣняемы отдѣльно въ Финляндіи, что Финляндія не имѣла установленій, которыя были необходимы для обособленнаго внутренняго управленія края.

Поэтому-то, закрывая сеймъ въ Борго и благодаря земскіе чины за ихъ дѣятельность, Императоръ высказалъ: «Мнѣнія, которыя вы теперь изложили, носятъ характеръ мудрости и любви къ отечеству. *Я приму ихъ въ соображеніе въ важномъ дѣлѣ,*

мною обдумываемомъ въ видахъ вашего преуспѣянія». Дѣло это и было введеніе государственныхъ установленій Финляндіи. Уже черезъ мѣсяцъ по закрытіи сейма было возвѣщено учрежденіе Правительственнаго совѣта, какъ центральнаго учрежденія по дѣламъ управленія и суда; за симъ послѣдовалъ манифестъ объ устройствѣ финляндскаго войска, объ учрежденіи коммиссіи финляндскихъ дѣлъ и т. д. Всѣ эти законы и учрежденія установлялись исключительно волею и властью Государя Императора. Еще менѣе, конечно, можно говорить, что, подтверждая ненарушимость основныхъ законовъ страны, Императоръ Николай I-ый признавалъ обязательность безусловно всѣхъ постановленій формы правленія и акта соглашенія, или что онъ считалъ Финляндію самостоятельнымъ государствомъ.

Но всего очевиднѣе высказано это тѣмъ Государемъ, которому, какъ говоритъ Даніельсонъ, Финляндія обязана пробужденіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ своей конституціонной жизни— Императоромъ Александромъ II-мъ. 18 сент. 1863 г., при открытіи перваго послѣ боргоскаго финляндскаго сейма, Ему угодно было указать на необходимость составленія свода государственныхъ узаконеній Великаго Княжества, которыя оказываются *несовмѣстными* съ положеніемъ дѣлъ, возникшихъ послѣ присоединенія этого Княжества къ Имперіи. Еще яснѣе та же мысль была выражена Императоромъ въ тронной рѣчи при открытіи сейма 1867 г., гдѣ прямо было указано на *утратившую силой обстоятельствъ совмѣстность коренныхъ законовъ Великаго Княжества съ положеніемъ дѣлъ, возникшихъ послѣ присоединенія Финляндіи къ Имперіи* [1]).

Эту задачу, начертанную незабвеннымъ для русскаго сердца Царемъ-преобразователемъ, и предстоитъ выполнить нашему времени. А лозунгомъ этой работы должно быть признаніе Финляндіи

[1]) Хотя при утвержденіи сеймоваго устава 1869 г. была сдѣлана Государемъ Императоромъ надпись о сохраненіи правъ верховной власти въ томъ видѣ, какъ они установлены актами 1772 и 1789 гг. и не измѣнены сеймовымъ уставомъ, но эта надпись, по точному своему смыслу, имѣетъ въ виду только сохраненіе за верховною властью присущихъ ей прерогативъ и, конечно, отнюдь не выражаетъ признанія сохраненія силы за всѣми статьями сихъ положеній, хотя бы и не соотвѣтствующими условіямъ присоединенія и узаконеніямъ, изданнымъ послѣ 1809 г. Этотъ выводъ вполнѣ подтверждается словами рескрипта земскимъ чинамъ отъ $^{15}/_{27}$ марта 1872 г., даннаго по поводу ихъ петиціи объ измѣненіи законовъ о печати,—«Мы не имѣемъ намѣренія уступить ни одного изъ присвоенныхъ Намъ законами правъ».

нераздѣльною частью Государства Россійскаго, связанною съ нимъ общностью государственныхъ интересовъ, связанною не механически, а органически во всемъ томъ, что выходитъ за предѣлы мѣстныхъ нуждъ и потребностей.

Россія признала Финляндію своею кровною частью и съ чистою совѣстью можетъ сказать, что она заботливо откликалась на всѣ ея дѣйствительные интересы и нужды и нынѣ ей нѣтъ причинъ жалѣть о томъ, что было даровано Финляндіи Государями Россійскими, ей нѣтъ основанія колебать мѣстныя учрежденія и законы. Но Россія естественно желаетъ, чтобы то, что принадлежитъ ей по праву, нашло свое выраженіе въ законахъ Финляндіи, проникло въ сознаніе и убѣжденіе ея обывателей; чтобы искусственно культивируемая мѣстною, преимущественно шведскою, группою лицъ идея о самостоятельномъ государствѣ финляндскомъ, состоящемъ въ реальной уніи съ Имперіей, исчезла столь же безслѣдно, какъ призрачно было ея возникновеніе [1]).

Въ манифестѣ 5 Іюля 1808 г. сказано было между прочимъ: «подъ сѣнію Престола Нашего покоются многочисленные народы, судьбы ихъ равно сердцу Нашему драгоцѣнны; вступивъ въ составъ Имперіи Нашей, вы пріобрѣли тѣмъ самымъ равныя права съ ними». Россія исполнила и этотъ завѣтъ Императора. Въ «чредѣ народовъ, имперію составляющихъ», она не отдѣляла финляндцевъ отъ коренныхъ своихъ жителей, и теперь, оглядываясь на прошедшія 80 лѣтъ, она съ полнымъ сознаніемъ можетъ сказать, что не имѣетъ основаній раскаиваться въ исполненіи обѣщанія, даннаго Императоромъ Александромъ I-мъ. Финляндцы и въ рядахъ русской арміи, и на поприщѣ государственной службы не разъ

---

[1]) Даже г. Мехелинъ въ послѣдней своей брошюрѣ: «Противорѣчатъ ли права Финляндіи интересамъ Россіи», стр. 58, говоритъ: «финляндцы отлично понимаютъ, что если бы интересы Вел. Княжества оказались несовмѣстными съ интересами Имперіи или всей державы, то пришлось бы уступить Финляндіи». Но мы и хотимъ только того, чтобы это сознаніе, коренящееся не въ фактическомъ соотношеніи силъ, а въ юридическомъ началѣ государственнаго главенства Россіи, нашло свое точное и прямое выраженіе въ законахъ и установленіяхъ. Къ сожалѣнію, это сознаніе отсутствуетъ именно въ той партіи, во главѣ которой стоитъ самъ авторъ указанной брошюры, оказавшій, впрочемъ, не маленькую услугу Россіи тѣмъ, что своими юридическими и политическими сочиненіями вызвалъ настоящее движеніе политической мысли въ Россіи по отношенію къ Финляндіи, и укрѣпилъ сознаніе безотлагательности твердой формулировки государственныхъ законовъ Финляндіи, сообразно съ дѣйствительнымъ характеромъ ея положенія, какъ части Россійскаго государства.

доказывали, что среди нихъ не мало лицъ, ставящихъ высоко служеніе долгу и неуклонное, исключающее личные расчеты, исполненіе обязанностей гражданина и вѣрноподданнаго; но естественно, что и русскіе не только могутъ желать, но имѣютъ право требовать, чтобы Финляндія видѣла въ нихъ не чужестранцевъ, а своихъ согражданъ и чтобы это начало нашло прямое выраженіе въ законахъ Финляндіи.

Во время завоеванія Финляндіи шведы среди финляндцевъ и юридически, и фактически были единогражданами; общегосударственные интересы Швеціи преобладали надъ мѣстными интересами Финляндіи. Какъ говоритъ Даніельсонъ (стр. 84); «между шведами и финнами въ законахъ не дѣлалось различія; обѣ національности иногда упоминаются рядомъ, и въ такомъ случаѣ за ними всегда признаются одинаковыя права; но обыкновенно употреблялось просто выраженіе «шведскіе люди», которое имѣло столь обширное значеніе, что подъ нимъ подразумѣвались всѣ полноправные члены государства, независимо отъ того, былъ ли отецъ шведъ или финнъ». Такое же полноправіе шведовъ и финновъ признаетъ и сенаторъ Мехелинъ (Handbuch, стр. 246). Наконецъ, это начало практически наглядно выражено въ I-ой статьѣ акта 1789 г., коею предоставлено королю «постановлять по своему высокому благоусмотрѣнію о всѣхъ должностяхъ государства, которыя должны замѣщаться урожденными шведскими людьми». Неисповѣдимыя судьбы Промысла замѣнили владычество Швеціи верховенствомъ Россіи, и нынѣ Россія надѣется, что державная воля Монарха твердо и неуклонно сохранитъ за нею мѣсто, принадлежащее ей по историческому и государственному праву.

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТА
КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв. №

Берендтсъ, Э. Финансовое право Великаго Княжества Финляндскаго въ XIX столѣтіи. Спб. 1900.

Берендтсъ, Э. Краткій обзоръ финансовъ В. Кн. Финляндскаго. Спб. 1900.

Берендтсъ, Э. Императорскій Александровскій Университетъ въ Финляндіи. Спб. 1900.

Берендтсъ, Э. Лекціи по административному праву Вел. Кн. Финляндскаго. 2 тома. Спб. 1903.

Берендтсъ, Э. Н. Къ финляндскому вопросу. По поводу рѣчи члена Гос. Думы П. Н. Милюкова 13 Мая 1908 г. при разсмотрѣніи запросовъ по финляндскому управленію. Спб. 1910.

Берендтсъ, Э. Н. По поводу воззваній иностранныхъ ученыхъ относительно правъ Финляндіи. Спб. 1910.

Behrendts. Ueber Grenzmarkenpolitik und die finnländische Frage insbesondere, Rede, gehalten am 14. I. 1907, St. Petersburg. 1907.

Бородкинъ, М. Исторія Финляндіи. Время Императора Александра I. Спб. 1909.

Бородкинъ, М. Исторія Финляндіи. Время Императора Александра II. Спб. 1908.

Бородкинъ, М. Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи. Время управленія Н. И. Бобрикова. Спб. 1905.

Бородкинъ, М. Финляндія въ русской печати. Библіографическій указатель книгъ и статей о Финляндіи. Спб. 1902.

Бородкинъ, М. Война 1854—1855 г. на Финскомъ побережьѣ. Спб. 1904.

Бородкинъ, М. Итоги столѣтія. Харьковъ. 1909.

Condition juridique de la Finlande. Paris. 1902.

Евреиновъ, Г. А. Національные вопросы на инородческихъ окраинахъ Россіи. Схема политической программы. Спб. 1908.

Ewreinoff, Grégoire. Exposé de la question finlandaise. St. Pétersburg. 1910.

Ewreinoff, G. Zur finnischen Frage. Spb. 1909.

Еленевъ, Ѳ. Ученіе о финляндскомъ государствѣ. Спб. 1893.

Elénew, Th. Les prétentions des séparatistes finlandais. Paris. 1895.

Изнанка Революціи—вооруженное возстаніе въ Россіи на японскія средства. Спб. 1906.

Le revers de la révolution. L'insurrection en Russie, armée aux frais du Japon. Edition du journal «Golos Prawdy» St.-Pétersbourg. 1909.

Каменскій, Н. Современное положеніе Финляндіи съ точки зрѣнія обороны государства. Спб. 1908.

Корево, Н. Н. Алфавитный указатель къ постановленіямъ, относящимся до Вел. Кн. Финляндскаго, т. I (А—І), т. II (К—П), т. III (Р—Я). Спб. 1907—1909.

Корево, Н. Н. Изданія мѣстныхъ законовъ Россійской Имперіи (изъ «Библіотеки Окраинъ Россіи»), № 4 (стр. 23 и слѣд.). Спб. 1907.

Коркуновъ, Н. М. Финляндскій сеймъ. Юридическая лѣтопись. 1891 г. № 1.

Коркуновъ, Н. М. Русское государственное право, т. I. Спб. 1892.

Кочкаревъ, Н. А. Программы финляндскихъ партій. Спб. 1909.

Липранди, А. П. (Волынецъ, А.). Финляндскій вопросъ. Къ столѣтію присоединенія Финляндіи къ Россіи. Спб. 1909.

Малышевъ, К. Общее уложеніе и дополнительныя къ нему узаконенія Финляндіи. Спб. 1891.

5 01

Малышевъ, Кронаидъ. Курсъ общаго гражданскаго права Россіи. Спб. 1878.

Мессарошъ, П. И. Финляндія—государство или русская окраина? Спб. 1898.

Ординъ, К. Ф. Конституція Финляндіи въ изложеніи мѣстнаго сенатора Л. Мехелина. Спб. 1888.

Ординъ, К. Ф. Покореніе Финляндіи. 2 тома съ картою Финляндіи. 1889 г. (первое изданіе).

Ординъ, К. Ф. Собраніе сочиненій по финляндскому вопросу. Т. I.—Изслѣдованія, статьи, записки и письма. Съ портретомъ автора и предисловіемъ издателя, Б. К. Ордина. Спб. 1908; тт. II и III—второе изданіе «Покореніе Финляндіи» съ предисловіемъ издателя Б. К. Ордина и картою Финляндіи во II томѣ. Спб. 1909.

Osten-Sacken, Baron Wolf von der. Die Staatsrechtliche Stellung des Grossfürstenthums Finnland im Russischen Reiche. Tübingen. 1909.

Osten-Sacken, Baron Wolf von der, dr. Russland und Finnland. Zur Kritik der Bornhakschen Construction des staatsrechtlichen Verhältnisses. St. Petersburg. 1910.

Петровскій, С. Финляндская окраина Россіи. Сборникъ статей, очерковъ, писемъ, документовъ и иныхъ матеріаловъ для изученія такъ называемаго «Финляндскаго вопроса». Москва. Выпускъ I—1891, вып. II—1894; вып. III—1897.

Румянцевъ, А. Финляндія вооружается! Союзъ «Сила» («Voima»). Спб. 1907.

Рейнъ, Т. Іоганнъ-Вильгельмъ Снельманъ. Историко-біографическій очеркъ, сокращенный переводъ со шведскаго. Спб. 1903.

Сергѣевскій, Н. Д. Къ вопросу о финляндской автономіи и основныхъ законахъ. Спб. 1902.

Сергѣевскій, Н. Д. Сеймовый уставъ Вел. Кн. Финляндскаго. Библіотека Окраинъ Россіи, № 1. Спб. 1907.

Сергѣевскій, Н. Д. Финляндское уголовное уложеніе. Библіотека Окраинъ Россіи, № 2. 1907.

Сергѣевскій, Н. Д. Запросы по финляндскому управленію въ Государственной Думѣ 1908 года. Библіотека Окраинъ Россіи, № 6. Спб. 1908.

Смирнова, С. Угнетенная страна. Замѣтки о Финляндіи. Спб. 1908.

Смирнова, С. Покореніе сердецъ. Спб. 1909.

Суворовъ, П. Къ вопросу о равноправіи. Положеніе русскихъ въ Финляндіи и финляндцевъ въ Имперіи. Спб. 1907.

Souvoroff, P. Question Finlandaise. Spb. 1908.

Судопроизводство и судоустройство Финляндіи. Изданіе комиссіи по систематизаціи финляндскихъ законовъ. Спб. Гос. Тип. 1901.

Таганцевъ, Н. С. Высочайшій Манифестъ 1 декабря 1880 года и Финляндское Уголовное уложеніе. Юридич. Лѣтопись. 1891, I т. Изданъ особо. Спб. 1910.

Таганцевъ, Н. С. По поводу предстоящаго введенія особаго уложенія для В. Кн. Финляндіи. Записка отъ 23 Іюня 1890 г. Спб. 1910.

Федоровъ, Евг. Подготовка финляндской революціи 1889—1905 гг. Спб. 1907.

Финляндская окраина въ составѣ Русскаго Государства. Спб. 1906.

Финляндія. Изданіе Н. Поповой, подъ редакціей Д. Протопопова. Спб. 1888.

Шиловскій, П. Акты, относящіеся къ политическому положенію Финляндіи. Спб. 1903.

Якубовъ, К. Сборникъ дѣйствующихъ въ Финляндіи основныхъ законоположеній и относящихся къ нимъ узаконеній и актовъ. Гельсингфорсъ. 1889.